

18+

Мурич Виктор

Дважды возрожденный

Виктор Мурич

Дважды возрожденный

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Мурич В. Б.

Дважды возрожденный / В. Б. Мурич — «ЛитРес: Самиздат»,
2002

Цепочка разнообразнейших миров созданных Мастерами – вот что такое наша Вселенная. Главным героям – обыкновенным молодым людям, подписавшим Договор с коварными гномами, предстоит пройти по этой цепочке сперва ради спасения собственных жизней, потом ради жизни Земли. Далеко не всем из них суждено снова увидеть родину. Древняя крепость серого мира – Цитадель, построенная истребленной расой Лактов, на долгие дни станет домом и защитой от полчищ кровожадных тварей. Радость побед и горечь утраты будут обрушиваться на плечи главного персонажа - Виктора.

Виктор Мурич

Дважды возрожденный

Книга первая.

Цитадель.

Глава 1.

– Жми! – орет за спиной Стас. – Жми быстрее!

– Да жму я, жму! – огрызаюсь я, не поворачивая головы. А поворачивать ее, в общем-то, и некогда. Джип и так идет на скорости, значительно превышающей разумную, с учетом качества дороги. Точнее отсутствия дороги. Вот уже минут десять мы виляем между обломками скал, прорываясь к выходу из кажущегося бесконечным ущелья. А на хвосте, постепенно догоняя, висят пяток тушканчиков-переростков, жаждущих употребить нас в пищу. Естественно, нас такая перспектива совершенно не прельщает, поэтому я и выжимаю из надсадно завывающего мотора последние лошадиные силы, стараясь при этом не перевернуться, налетев на очередной булыжник, или не сорваться в одну из глубоких воронок нарытых вездесущими кротами.

Наш автомобиль хоть и является внедорожником, причем довольно-таки неплохим внедорожником, Мерседес все-таки, с трудом преодолевает препятствия из завалов камней. На каждом новом валуне жалобно стонет правый задний амортизатор. Наверное, где-нибудь по дороге его зацепил острый обломок скалы. Главное, чтобы до дома выдержал, а там Малыш его подлатает, будет как новый.

Сначала преследователей было больше, но Стасу каким-то образом удалось подстрелить троих, не смотря на бешеные скачки машины. Не зря он считается у нас лучшим стрелком.

– Ты можешь ехать ровнее? – Стас отчаянно пытается поймать одного из тушканчиков в оптический прицел тяжелого карабина. – Хоть чуть-чуть? – В его голосе сквозят просящие нотки. – Хоть чуть-чуть. И я сейчас же этого гада приласкаю.

Под гадом, он имеет в виду наиболее крупного тушканчика, метров на десять вырвавшегося впереди своих сородичей. Пушистый зверек высотой пару метров с легкостью перепрыгивает глыбы, которые мне приходилось объезжать, настигая нас. Его длинные мускулистые ноги более подходят для этого мира, чем колеса автомобиля. Были б мы на хорошей трассе, тогда я показал бы этой твари мощь человеческой техники. А так... Я тяжело вздохнул, и резко вильнул рулем, проводя черное тело джипа по самой кромке кротовьей воронки, диаметром метров в пять. Машина взбрыкнула задом и, накренившись на правый бок, выбросила из-под колес веер каменной крошки.

В ответ на мои маневры из-за спины раздался отборный мат в подробностях комментирующий мой стиль вождения и здешние дороги.

– Извини. Отвлёкся.

– Ты пореже так отвлекайся! – зло рявкает Стас. – А то потеряешь меня на очередном повороте!

Его упрек полностью обоснован. Из-за моей невнимательности мы могли попасть в лапы преследователей.

Впереди мелькнула среди серых камней полоса желтого песка.

– Вот черт! – громко чертыхнулся я.

– Что еще? – наклонился через спинку сиденья Стас. – Чем ты меня еще порадуешь?

– Песок! Держись крепче!

Он бросил карабин на пол и обеими руками ухватился за металлическую арку из труб служащую крышей нашему открытому автомобилю.

Желтый пульсирующий свет резко выделяется на фоне серого окружения. Он кажется чем-то чужеродным на фоне высоких серых скал, обступивших нас с двух сторон. Это как будто идешь по длинному узкому коридору, где-то высоко виднеется грязно-серый потолок с засиженными мухами тусклыми лампами, отбрасывающими мутные тени на серые дешевые обои стен, и вдруг на полу видишь лужу желтой фосфоресцирующей краски. Вот в нашем случае то же самое.

Этот песок – одна из многочисленных загадок этого мира. Пятна фосфоресцирующего песка исчезали и появлялись сами по себе. За исключением свечения и столь необычного поведения это был самый обычный песок. Лена, шутя, называет его бродячим лишаем. Как на меня, она не совсем права, лишай вроде не желтого цвета, разве только если намазать его йодом.

Именно то, что это обычный песок, и вызвало мое волнение. Наличие полосы песка означает буксование. А если буксование, то потеря скорости. А если потеря скорости, то сокращение расстояния между нами и тушканчиками. А если сокращение расстояния ...

Я прервал логическую цепочку с предполагаемо невеселым, по крайней мере, для нас, концом и приготовился к резкому торможению.

Если мы влетим в это препятствие на большой скорости, очень высок шанс, что нас занесет и ударит о близлежащие скалы.

– Тормози! – взволнованный хрип попутчика над правым ухом заставляет меня вздрогнуть.

– Знаю! – огрызаюсь я, не отрывая глаз от приближающегося препятствия. – Не мешай!

Расстояние до желтого пятна уменьшается с каждой секундой. Чуть-чуть сбрасываю скорость. Лидер тушканчиков, увидев, что жертва сбавляет ход, задрал голову вверх и издал радостный протяжный вой. От этого воя пошел мороз по коже, и мерзко заныли зубы.

Только бы нас не занесло. Только бы проскочить. Руки затянутые кожаными перчатками крепче ухватили руль, готовясь к резким маневрам.

Отстающие сородичи подхватили вой вожака, и ущелье заполнилось мерзкими звуками, многократно отражаемыми скалами. Позвоночник завибрировал в тон многоголосому вою, извещающая о пробуждении уснувшего на время страха.

Мимолетный взгляд в зеркало фиксирует уменьшение расстояния и радостно задранные хвосты преследователей, скачущих как кенгуру от одной ровной площадке к другой.

Ох уж эти хвосты...

Именно из-за длинных хвостов, более двух метров, с пушистыми кисточками на концах, эти зверюшки получили столь безобидное название. При первом знакомстве с этими существами мы приняли их за мирных травоядных, так как ни когтей, ни зубов у них не наблюдалось. Такое заблуждение продлилось недолго. Во время одного из выездов к шахте погиб Артур, получив удар кисточкой по спине. Его кожаная куртка и большая часть спины мгновенно превратились в жидкий студень, который сразу же принялся слизывать языком молодой тушканчик, до сих пор прятаящийся за выступом скалы. Мы подоспели через минуту и изрешетили тварь в упор из автоматов. Но Артуру помогать было уже поздно. Какая-то жидкость, вырабатываемая хвостовыми железами, растворила большую часть его торса, оставив целыми только кости. Оказавшись рядом, мы обнаружили, что он еще жив. Сквозь белую решетку ребер и комки полу растворенных внутренностей виднелось все еще пульсирующее сердце. Он пытался нам что-то сказать, судорожно дергалась рука, сжимая так и не приготившийся автомат. До сих пор помню, как билась в истерике Аня, не отрывая взгляда от умирающего Артура. Помню бешеные глаза Мичмана разряжавшего обойму в уже давно мертвого зверя. Это было почти пол года назад.

Нога вдавила в пол педаль тормоза, и мы мягко вкатились в фосфоресцирующее пятно. Джип сразу же просел, и выбросил из-под колес светящиеся фонтаны песка. Может, в другое время, я и полюбовался бы этим великолепным зрелищем, но сейчас как-то не до этого. Играя

на грани букса, я веду автомобиль к спасительной серой кромке, сулящей надежную опору колесам.

Вот... Вот... Еще чуть-чуть... Давай родимый, не подведи!

– Хух, – тяжело выдохнул я. Передние колеса уцепились за камни и джип, набирая скорость, рванул вперед. Два раза гулко бухнул карабин, и вслед за ним прозвучал ликующий вопль Стаса:

– Попал! Слыш, Витек? Попал!

В зеркале вижу хромающего тушканчика, отделившегося от общей массы. Пуля попала ему в ногу, заставив прекратить преследование.

– Может, остановимся и расстреляем их в упор? – обернувшись, предлагаю стрелку.

– Нет. Не успеем. Если хоть раз промахнемся, нам труба, – категорически отмахивается он и вытирает рукавом куртки пот со лба.

Стас выглядит счастливым. У него сейчас лицо, как у ребенка проснувшегося утром и увидевшего у своей кровати долгожданный подарок.

И дошли же мы до того, что смерть живых существ, приносит нам радость.

Утвердительно машу головой соглашаясь. Стас на этот раз прав. Преследователи очень проворны и умны. Лучше уж жать на газ, тем более что до конца ущелья осталось минуты три, а там открытое пространство Пустоши и Цитадель.

– Цитадель! Цитадель! – надрываясь, орет в микрофон рации Стас, опасливо поглядывая на скачущих тушканчиков. – Это Бродяга. Цитадель, ответьте Бродяге. Мать вашу! Вы, что там спите!

– Да не ори ты так! Здесь я! Здесь! – Даже сквозь гул мотора и треск разбрасываемого гравия слышу голос из динамика изрядно потрепанной рации, стоящей рядом со мной на переднем сидении. – Что у вас случилось?

– Едем по северному ущелью. Через минуту вы нас увидите. У нас преследователи. Готовьтесь встречать.

– Понятно, – хихикнул динамик. – Встречаем. Конец связи.

– Вот дура! – злобно орет Стас. Потом бросает микрофон рации на сиденье, меняет обойму карабина и, ворочаясь позади меня пытается найти удобное положение для стрельбы. – Нас вот-вот сожрут вместе с дерьмом, а она смеется.

Стас конечно же не прав и сам знает об этом. Просто дает знать о себе усталость, накопившаяся за два дня и злость поражения, давящая на самолюбие как серый булыжник. Все равно Аня, а это была, похоже, именно она, ничего не сделает, пока мы не окажемся в зоне действия артиллерии Цитадели.

Последний раз лихо вильнув, вырываемся из каменного плена на простор. Ущелье остается позади как ночной кошмар после пробуждения. Перед нами расстилается пространство Пустоши – этакой каменной тарелки, окруженной со всех сторон скальными массивами, с Цитаделью в центре.

На Пустоши поверхность почти ровная. По крайней мере, если сравнивать с предыдущим куском дороги. Сплошной гладкий каменный настил грязно-серого цвета с кое-где поднимающимися невысокими буграми. Даже не верится, что это все создано природой. Кажется, что какой-то великан из нечего делать проехался по горам гигантским утюгом, разглаживая раскаленным низом все неровности. И в результате такого небрежного разглаживания и возникла Пустошь.

В паре километров впереди виднеется усеченная пирамида Цитадели, торчащая как воспаленный чирь на ровном месте. С такого расстояния она кажется маленькой деталькой из детского конструктора. Но даже один ее вид существенно поднимает настроение. При виде ее стен Стас впервые за два последние часа улыбнулся и весело подмигнул мне.

– Живы будем, не помрем! – ликующим тоном преподнес он мне народную мудрость.

Я утвердительно мотнул головой, не отрывая глаз от приближающейся Цитадели.

Оказавшись на нормальном покрытии Пустоши, разгоняю джип, и он периодически подпрыгивая на бугорках как на маленьких трамплинах, мчится к спасительным темно-зеленым стенам.

Верный Мерседес сегодня изрядно потрудился, вывозя наши бранные тушки из лап зверюшек. Я с нежным чувством провожу рукой по разогретой грязным солнцем приборной панели обтянутой кожей, как бы благодаря его за хорошую работу.

Расстояние между машиной и преследователями увеличивается. Злобное, разочарованное завывание провожает нас. Тушканчики сообразили, что останутся голодными и теперь бурно выражают свое негодование по этому поводу. Их попытки увеличить скорость ни к чему не приводят. Разрыв все рано увеличивается, и теперь нет ни малейшего сомнения в том, что мы придем к финишу первыми.

– Здесь вам не ущелье! – злорадно бурчу я и зачем-то вскидываю вверх руку с вытянутым средним пальцем. – Здесь наша территория!

Стараюсь выбрать путь поровнее, чтобы Стас мог нормально целиться. В ответ на мои действия раздается вереница выстрелов. Тушканчики достаточно умны как для животных. Они начинают двигаться зигзагами и стараются уклоняться от пуль. Пока их спасает быстрая реакция. Сильные ноги бросают поджарые тела из стороны в сторону, мешая стрелку нормально прицелиться. В результате их маневров расстояние еще немного увеличивается.

Темно-зеленая масса приближается, и я уже различаю узкие горизонтальные прорезы бойниц, пару человек суесящихся у автоматической пушки на Северном бастионе. Спаренные стволы пушки медленно разворачиваются в нашу сторону. Давненько наведенное в мою сторону оружие не вызывало такую гамму положительных чувств.

Звонкий стрекот автоматической пушки заставляет меня резко повернуть в сторону, освобождая сектор обстрела. Как всегда Стас не успел ухватиться и в результате крепко приложился грудью об верхнюю кромку двери. Звучно бряцнул оброненный на пол карабин.

– Нет! Ты точно моей смерти хочешь! – говорит, потирая ушибленную грудь, Стас.

На этот раз в его голосе уже нет злости. Негативные эмоции смягчаются близостью Цитадели и радостью возвращения.

Следующая очередь приходится по вожаку маленькой стаи. Воронки взрывов вырастают прямо перед его ногами и он, как бы споткнувшись о невидимое препятствие, кубарем катится по инерции вперед, нелепо размахивая длинными ногами и жалобно виляя хвостом. Остановившись, он пытается подняться и снова падает. Грозное оружие – хвост, превратился в кусок драной веревки и теперь только мешает своему хозяину встать, путаясь между ногами. Из губастого рта тушканчика на каменный настил Пустоши изверглась пенистая струя красной жидкости. Похоже, что жизнь медленно покидает мускулистое тело.

Пушка бьет длинными очередями, превращая преследователей в разлетающиеся комья плоти. Мичман, устроившись на сидении, закрепленном на лафете, виртуозно управляет двустволкой. Спаренные стволы дергаются из стороны в сторону в поисках очередной жертвы. Затем следует огненный плевок и на камни падает новая порция тушканьего паштета, суля кротам маленькое пиршество.

Сделав последний выстрел, пушка умолкает и на поле боя остается лишь уже хромающий вдалеке вожак. Я думал, он уже не встанет, но жажда жизни оказалась сильнее перенесенных ран.

Животное двигается медленно, виляя из стороны в сторону, периодически падая и снова вставая на подкашивающиеся ноги. Похоже, Мичман решил не утруждать себя стрельбой по раненому животному. У моего попутчика оказалось другое мнение на этот счет.

– А ну, Вить, притормози, – просит он, вскидывая карабин.

– Думаешь надо? – просыпается у меня нелепая жалость к жаждущему жизни животному. – Пусть себе идет. Все равно ведь сдохнет. Ему вон как Мичман напал.

– Он бы нас не пожалел! – категорически отмечает мое предложение Стас.

Нам до массивных стен осталось десятков метров.

Сбрасываю скорость и плавно останавливаюсь у каменной плиты ворот. Задрав голову вверх, показываю Мичману большой палец. Он в ответ довольно машет рукой.

Мичман еще не знает, какие новости мы ему привезли.

Ох, и тяжелым будет разговор...

Дождавшись полной остановки, Стас замирает на секунду как изваяние.

Выстрел.

Еще один.

Разрывные пули входят в затылок убегающего животного, бросая его вперед на прогретые тусклым солнцем камни Пустоши. Тело все еще продолжает сучить длинными ногами, пытаясь подняться. Пару раз взлетает вверх смертоносная кисточка хвоста, как бы упрекая нас за удар в спину и нечестность боя.

Только убедившись, что тушканчик больше не шевелится, я въезжаю в открытые ворота Цитадели.

Ни о каком честном бое и речи быть не может. Мы здесь, чтобы выжить. И мы выживем.

Выживем, назло всем.

Глава 2.

Как я и ожидал, мы получили вздрючку от Мичмана по полной программе. И поделом. Сами обложились.

Мы стоим перед ним как два напавших пацана, и он тихим спокойным голосом вычитывает нам мораль. Лучше уж пусть бы он орал или дал в морду. Было бы легче.

Когда Мичман читает мораль, то застрелиться хочется еще при первых его словах. Он всегда говорит спокойно, тихо и по сути. Мы, наклонив головы, даже не пытаемся оправдываться. Против правды не попрешь.

– Вы знаете, что нарушили Договор? – Мичман заглянул мне в глаза. – Вы знаете последствия?

– Да. Но мы же пытались... – все-таки начал оправдываться Стас.

– Мы же! Вы же! Они же! – передразнил Мичман. – Плохо значит пытались!

Промывание мозгов длится еще несколько минут. Наконец, он исчерпался, и уселся в массивное каменное кресло. Поерзав, принял удобную позу и потянулся за трубкой, лежащей на краю каменного, круглого стола.

Стас глянул на меня, и мы дружно облегченно вздохнули. Раз в ход пошла трубка, значит, процесс перешел в завершающую стадию.

– А теперь расскажите еще раз все по порядку, – предложил Мичман, выпустив из уголка рта облако зловонного дыма.

Я всегда удивлялся, как можно курить такую дрянь. Для меня запах крепкого кубинского табака всегда ассоциировался с горящим костром инквизиции. Такой же вонючий и густой дым, сопровождающийся душком кающегося грешника.

Стас присел на краешек другого каменного кресла, напротив Мичмана, готовясь к повторному рассказу нашей эпопеи, а я предпочел устроиться на столе. Все равно по степени комфорта одинаково.

В Цитадели все из камня.

Абсолютно все. Начиная от толстенных стен и заканчивая мебелью. Отличия только в сортах камня. Стены и ворота из темно-зеленого, чем-то напоминающего гранит камня.

Мебель преимущественно мраморная, или как здесь этот минерал называется. Почти во всем доминируют темные цвета. Правда, иногда встречаются предметы, имеющие светлые прожилки или вкрапления.

В общем, выглядит все солидно, но малость мрачновато. Строители Цитадели делали все на совесть и с перспективой на века. Все кажется весьма древним, но в то же время находится в идеальном состоянии. Исключением является только западная стена, сплошь испещренная вмятинами полуметровой глубины. Скорее даже не вмятинами, а вплавленностями. Как будто, к пластилину на мгновение поднесли зажженную спичку, а как только он начал плыть сразу же убрали. Для нас осталось загадкой, каким же оружием удалось сделать такие оспины в теле Цитадели, учитывая прочность стен.

Как-то в самом начале, когда мы еще только учились пользоваться оружием, Стас невзначай разрядил гранатомет в стену. Когда развеялся дым от взрыва и утих мат до смерти перепуганного Мотора, мы увидели лишь мелкий скол в центре пятна копоти и все.

Не хотелось бы в будущем столкнуться с противником вооруженным таким мощным средством уничтожения.

– Мы выехали, как договаривались в сторону шестой шахты... – начал повторный рассказ Стас. Мичман, укутавшись в клубы дыма, пристально следит прищуренными глазами за жестикуляцией рассказчика сквозь мутную пелену. – На точку прибыли вовремя. Гномов еще не было. Мы прождали около часа, пока они появились. Было их штук девять-десять.

– Десять, – уточнил я. – И десять верблюдов.

Стас отблагодарил меня столь любезным взглядом, что я пожалел, о том, что прервал его. Мичман на мгновение перевел взгляд на меня, утвердительно качнул головой, как бы принимая к сведению мое уточнение, и опять повернулся к рассказчику.

– Так вот. Притопали они и прямоком в шахту. Ну конечно прихватили с собой там кирки, лопаты и фонарики всякие. Знаешь, пузатые такие фонари, на беременных баб похожие, с зеркальцем с одной стороны. И полезли, в общем гурьбой в шахту. Я расположился у входа, рядышком с их верблюдами, а Витек полез на горку и там залег среди камней. Ему там сверху все видно будет, если вдруг кто сунется. Все как всегда. Тишина и благодать полная. Ветра нет, солнышко пригревает.

Стас всегда речь сопровождает речь бурной жестикуляцией. Когда он о чем-то увлеченно рассказывает с ним рядом находиться опасно, зашибить может невзначай. Вот и сейчас он каждую фразу подтверждает взмахом мускулистых рук. Его атлетическая фигура на фоне массивного кресла выглядит весьма скромно. Даже не скажешь, что в нем 190 роста и 100 веса. Из веса большая часть мышцы. Сказывается длительное увлечение культуризмом. Мы его, шутя, называем Гераклом нашего времени. Вот только вершина его малость подкачала. Столь мощное тело венчает коротко стриженная голова с большими оттопыренными ушами и веснушчатым лицом, которому он постоянно пытается придать серьезную угрюмость и тем самым компенсировать детское озорничество мелькавшее в глазах. Из всех его умений выдающимся является только одно – умение стрелять. Вот в этом он настоящий ас. Месяц назад, когда мы праздновали его двадцати девятилетие, он, будучи в конкретно нетрезвом состоянии пристрелил из своего неразлучного карабина крота, высунувшегося на свою беду, из каменной толщи метрах в трехстах от стен Цитадели. А если при этом еще и учесть, что стрелял он, опираясь на меня, так как самостоятельно держаться на ногах не мог...

Мичман – плавающий в облаках столь любимого дыма является полной противоположностью Стаса.

Мичман – прозвище. По имени его никто и никогда не называл. По крайней мере, я этого не слышал. Я даже не уверен, что помню его настоящее имя. Толи Вадим, толи Владислав. В общем, что-то в этом роде. А Мичман – потому что, он в прошлом действительно был мичманом на эсминце. Выперли его с флота года три назад за пьянство. Любил он раньше это дело

и любил по крупному. Как-то раз по пьяни он капитану эсминца толи что-то сказал, толи сделал. Скорее всего, сделал, потому что после слов, даже самых тяжелых, в больницу с травмой черепа не попадают. В общем, помогли ему уйти. А так, может, еще бы плавал и плавал, вместо того, чтобы нянчиться здесь с нами. Потом, уже на гражданке, он взялся за ум, объявил сухой закон и с тех пор ко всем спиртным напиткам относится с предубеждением, делая исключения разве что только по праздникам.

У нас он что-то вроде вождя первобытного племени. Выбор его на такую роль был практически однозначен. Из нас только он один имел представление о ведении боевых действий и неплохо разбирался в оружии. У остальных, кроме опыта стрельбы из рогаток по котам в детстве за плечами ничего не было. Правда, Мотор клялся, что когда-то стрелял из автомата в армии. Но демонстрация его умений имела плачевный результат – у нас стало на одну машину меньше. Кроме этого Мичман оказался единственным человеком способным навести порядок в нашей разношерстной компании. Его слушались все, даже принципиально независимый Миша, открыто презиравший любое начальство и вообще всех, стоящих хоть чуть-чуть выше его на ступенях социальной лестницы.

Тяжелый Миша парень.

По началу из-за него столько проблем было. Он нам чуть ли не лежачие забастовки устраивал. Мол, почему я должен кому-то подчиняться. Мы здесь все равны. Мы сначала уговаривали, потом перешли к более жестким мерам, но все впустую. На какой-то момент Мичмана это анархическое беспределство достало, и он тет-а-тет поговорил с бунтарем. Не знаю о чем был разговор, но Миша выскочил из комнаты в которой происходило их общение красный как рак, и не глядя ни на кого, почти бегом отправился в арсенал на чистку оружия. На этом инцидент был исчерпан. Мичман так и не признался о содержании беседы. Только ухмыльнулся, пригладил усы и произнес: «По мужски поговорили. Он все понял. Больше проблем не будет».

Мичман интересный мужик. Я с ним познакомился больше года назад на дне рождения знакомой девчонки. Ей тогда, как и мне стукнуло двадцать пять, только с разницей в одну неделю. И с тех пор, он один из немногих людей, чье мнение играет для меня роль. Его я уважаю в первую очередь за цепкий аналитический ум и порядочность. С ним всегда приятно иметь дело. Если он, никогда зря ничего не обещающий, говорит «сделаю», то можно считать, что уже все сделано. В лепешку расшибется, но выполнит обещанное.

Он внешне чем-то напоминает козака-запорожца. Вот только оселедца на голове не хватает. Невысокого роста, коренастый, можно сказать немного квадратный. При первом взгляде на него в глаза бросаются усы. Точнее не усы, а усищи, начинающиеся откуда им положено, и заканчивающиеся чуть ниже подбородка. Всегда ненормально аккуратный и принципиальный он служит для нас всех чем-то вроде эталона.

В свои тридцать пять он умеет все. По крайней мере, так кажется. Он разбирается в военном деле, технике, кулинарии, строительстве и еще в массе областей. Однажды мы узнали, что он еще и замечательный парикмахер. Теперь все девчонки у нас щеголяют с прическами «от Мичмана». Учитывая царившее у нас равноправие, дежурство по кухне проходили все поочередно. Для всех любимым днем был день его царствования у котла. Он каждый раз баловал нас чем-то необычным, но необычайно вкусным.

– Так вот. А Витек как саданет по нему из гранатомета. Ну, все думаю, отбежался паршивец. А он, на тебе, вылезает из кучи обломков и ка-а-ак трахнет по нам из какой-то хренотени. Я только и успел отпрыгнуть в сторону, как входную арку шахты снесло к чертовой матери. – Стас грохнул кулаками по поручням кресла изо всей силы, демонстрируя тем самым мощь той самой хренотени. – А Витек по нему из гранатомета еще раз ка-а-а-ак даст. И попал! Ты не поверишь Мичман. Попал. Прямо в голову, – уже с меньшим апломбом продолжил рассказчик, потирая ушибленные о камень руки. – Так этому паршивцу башку оторвало совсем. А он, – Стас ткнул пальцем в мою сторону, – нет, чтоб уgomониться разошелся ни на шутку и еще

пару раз пальнул в тело. Ну, тут его остатки и размазало по скале. А от взрыва на него еще и обломок гранита, мать его, грохнулся. В общем, рассматривать было уже нечего. Разве что с микроскопом. Сплошной рубленый гербарий в собственном соку получился.

Вот гад! Такие подробности мог бы и не рассказывать. Теперь получается, что я во всем виноват. Из-за меня гномов в шахте завалило, я уничтожил тело ценного экземпляра, который надо было исследовать, особенно оружие.

Молодец Стасик. Как всегда вышел сухим из воды. Хотя все было немного иначе. Это именно он обложился. Противник приблизился именно с его стороны, а он в это время был увлечен выцарапыванием ножом на скале своего имени. Я заметил приближающегося, когда он был уже метрах в пятидесяти от Стаса, и естественно открыл огонь из автомата. Стрелок я, откровенно говоря, неважнецкий, и с первой очереди не попал. Противник развернулся в мою сторону и вскинул оружие. Само оружие мне было не знакомо, но в том, что этот продолговатый предмет с многочисленными выступами по сторонам является средством уничтожения, я не сомневался.

Не размышляя, я нажал на курок подствольного гранатомета, отправляя в его сторону фугас. Взрыв произошел в паре метров от его ног. Обычно после такого уже не встают. Как минимум контузия или многочисленные ранения.

Но противник, разбрасывая в стороны обломки присыпавших его камней, вырвался из скального плена и выстрелил почему-то в сторону Стаса. Стас, почувствовав неладное, сделал гигантский прыжок, одним махом преодолел каменный гребень и мешком грохнулся с безопасной стороны. Прыть его спасла. Секундой позже, место, где он стоял, и входная арка шахты превратились в лужу расплавленного пузырящегося камня. В это время все гномы трудились под землей, и выстрел капитально закупорил выход из шахты. Верблюдов, стоящих невдалеке обдало волной горячего воздуха, и животные в страхе ринулись прочь, разметаив шипастыми ногами кучу корзин для руды, лежавшую у них на пути.

Верблюды эти совсем не верблюды, но мы решили, что проще ассоциировать местную фауну с привычной, чем придумывать новые названия. У этого существа с нормальным верблюдом присутствует только одно сходство – наличие двух мясистых горбов на спине. В остальном же, животное ближе к буйволу, только отсутствуют рога и размерчиком в пару раз больше. Этих страшилищ гномы используют как верховых и выючных животных для перевозки руды добытой в шахте. По крайней мере, я думаю, что они добывают там именно руду. А что еще спрашивается можно тащить из шахты? Золото? Алмазы? На кой черт, спрашивается этим уродцам алмазы?

Запечатав вход в шахту, оружие начало поворачиваться в мою сторону. Я тогда даже не успел подумать, а палец сам нажал на курок гранатомета.

Я успел быстрее.

Фугас оторвал голову нападающему и отшвырнул изувеченное тело в сторону. Серая скала за его спиной окрасилась в алые тона, столь чужеродные бесцветному окружению.

Стас тогда не сделал ни одного выстрела. Не успел. Или скалы мешали.

Высунувшись из-за гребня, он радостной улыбкой на перепуганной роже махнул рукой, показывая, что с ним все в порядке. Меня съедало любопытство. До сих пор мы не встречали в этом мире существ обладающих настоящим оружием. Вставив новую обойму в гранатомет, я осторожно двинулся в сторону обезглавленного тела. Тогда мне что-то подсказывало, что еще не все закончено и намечается еще один раунд.

Я обошел тело по кривой и взобрался на возвышавшуюся над ним скалу. С высоты трех метров я рассматривал чужака. Отсутствие головы и развороченная верхняя часть туловища изрядно затрудняли идентификацию. Но даже эти факторы не помешали определить, что это человек. Или что-то похожее на человека.

Тело лежало на спине, нелепо поджав ноги, а из разорванного торса вытекал уже иссякающий ручей крови, оставляющий вертикальную разделительную линию на скале. На человеке были одеты доспехи.

С такого расстояния трудно определить материал, но это был точно не металл, скорее камень.

Тонкие, искусно обработанные пластины темно-зеленого цвета покрывали все тело ровным слоем практически без щелей. Даже фугас не смог их повредить. Я четко видел, что все пластины были целы. Порвались лишь жилистые связки соединяющие их. В левой руке было зажато оружие непривычной формы. Как на меня слишком много выступов и всяческих ручек. К правому бедру пристегнуто необычное холодное оружие, напоминающее трезубец. Зубьями являлись лезвия по пол метра длиной расположенные на расстоянии около десяти сантиметров друг от друга. С другой стороны массивная рукоять с длинным шипом на конце. Таким оружием скорее себя покалечишь, чем противника достанешь.

Я повернулся в сторону Стаса и призывно махнул рукой, приглашая присоединиться к созерцанию моей добычи. Когда я обернулся, мне показалось, что тело изменило позу. Я опустился на колено и внимательно посмотрел вниз. Действительно. Труп шевелился. Рана начала покрываться темной коркой, скрывающей разорванную плоть. Уже через несколько секунд вся верхняя часть туловища была покрыта такой коркой. Внезапно, в том месте, где на плечах должна быть голова корка начала вздуваться пузырем, как будто ее что-то изнутри продавливало. Происходящее чем-то напоминало виденный мной в детстве процесс вылезания бабочки из кокона. Она точно так же растягивала оболочку, служившую до этого ей домом, пытаясь вырваться из цепких оков.

Корка вздулась еще сильнее и лопнула. Я увидел вылезающую из плеч макушку головы, вокруг которой суетились насекомые очень похожие на крупных тараканов. Насекомые суетились по периметру вылезающей головы так же, как и их земные аналоги вокруг объедков. От увиденного меня чуть не вырвало, и палец, не спрашивая моего разрешения, два раза нажал на курок. Фугасы один за другим вlepились в тело, разнося его на куски. Темно-зеленые пластины с мелодичным звоном запрыгали по камням. От взрывов мне в лицо ударило волной пыли и каменной крошки. Волна воздуха отбросила меня назад, и я неуклюже грохнулся на спину и так проехал по склону скалы, на которой находился до самого низа. Хорошо, что вовремя выставил руки и склон был пологим, иначе в момент приземления точно бы разбил голову. Через мгновение после взрыва раздался сухой треск, и моя скала, расколовшись на две части похоронила останки чужака под собой.

– Ну а тут ты из пушки как дал по тушканчикам... – Выдал последнюю фразу Стас, глядя на меня и истощенно умолк не зная, чтобы еще сказать.

Пока я размышлял, он успел выложить полностью всю историю. Уставшие от частых взмахов руки пристроились на коленях.

Мичман, откинувшись на спинку кресла, угрюмо посасывает потухшую трубку. Давненько я его не видел таким озадаченным... И есть чего... Мы нарушили Договор... Договор, который подписали, сами не зная, что это нам сулит.

– А ты Виктор? Что ты скажешь? – обратился он ко мне не отрываясь от трубки. – Твои дополнения?

Мичман единственный кто обращается ко мне так. Он произносит мое имя на французский лад, с ударением на последнем слоге. Для остальных я Витя или Витек.

– Стас рассказал все правильно, – решаю не вдаваться в подробности. – Мы сделали все что смогли. Единственная наша вина в том, что мы поздно его засекли. Наверное, он был очень осторожен. К тому же мы не рассчитывали, что у противника окажется столь мощное оружие... Это что-то вроде метателя плазмы... Я в этом не разбираюсь, но ничто другое не могло оказать такой разрушающий эффект. Хотя... – Я задумался, вспоминая давно забытую

университетскую физику. – Высокотемпературная плазма! Именно она могла вызвать плавление скальной породы.

– Ясно. Пусть будет плазма. На текущий момент это не принципиально. – Мичман пристально посмотрел на меня. – Зачем ты стрелял в труп?

Слезаю со стола и начинаю ходить по комнате, думая, как бы объяснить увиденное у шахты. Привычка у меня такая. Вредная. Как только начинаю о чем-то напряженно думать или волноваться сразу же перехожу в режим постоянного хождения. Вот и сейчас я меряю просторную комнату от стены к стене. Наконец останавливаюсь у окна, и глядя на острые скалы северного ущелья, из которого мы недавно вырвались, говорю:

– Он был жив.

– Кто? Труп? – искренне удивляется Стас. Его руки вспархивают с колен и жестами подчеркивают вопрос. – Так ты же сам ему из гранатомета башку отстрелил. Я же видел...

С подробностями рассказываю об увиденном.

В комнате наступает тишина, нарушаемая только кашляющим гулом двигателя снаружи. Выглянув, вижу щуплую фигурку Малыша копающегося в двигателе шикарного вездехода. Вечно он с ним возится. Хорошая машина, но больно уж капризная. А здесь с СТО проблема.

– Надо предупредить гномов, – тихо произносит Стас. – Надо предупредить. Может спасут кого... Ну из тех... Кто в шахте.

– Нет, не спасут, – отрываюсь я от созерцания замусоленных штанов Малыша и отхожу от узкой вертикальной щели окна. – Ты был снаружи, и сам видел, какая температурная волна пошла после взрыва. Так вот, такая же волна пошла и внутрь шахты... А теперь еще добавь к этому замкнутость помещений. Волна раскаленного воздуха должна была штормом пройти по туннелям, сжигая все на пути.

Стас мрачно кивнул головой и развел руками, выражая полное согласие с моей невеселой, но очень реалистичной гипотезой.

– Они уже и сами в курсе. – Я и не заметил, когда Мичман успел набить свою трубку. – Сегодня гномы приедут разбираться. Они собираются определить степень вашей... – он запнулся, – нашей вины.

– Когда? – переспрашиваю я.

Такое событие у нас будет впервые. До сих пор гномы в Цитадели не появлялись. Мне кажется, они ее боятся как черт ладана. А может просто брезгуют... Или религия... Нечистая земля и все такое...

Похоже, мы основательно накуролесили, раз они решили сами прийти.

– Вечером, – раздалось из облака дыма. – Если они решат, что вы виноваты, то в действие вступит пункт 6.3 Договора.

Сейчас мы все знаем договор наизусть. Знаем лучше чем свою биографию. Пункт 6.3 гласит: «Если сторона «люди» не выполнит свои обязанности, оговоренные в пункте 3 Договора, то виновные будут наказаны. Мету и степень наказания выберет пострадавшая сторона».

То, что мы сделали, в точности совпадает с одним из подпунктов пункта 3. Из-за нас погибли представители второй стороны. Эх, работала б в этих чертовых горах рация. Может, и успели бы их спасти. А так прошла уйма времени. Хотя нет. Какая к черту рация, если через секунду после взрыва десять гномов превратились в обугленные комки.

– Идите, отдыхайте, – машет Мичман дымящейся трубкой в сторону двери. – Вечер будет трудным.

– Как думаешь, что с нами будет? – спрашивает поникший Стас, обращаясь ко мне. – Что эти недомерки могут придумать?

– Не знаю Стас. Не знаю. – От всех этих разговоров у меня сильно разболелась голова, и возникло непреодолимое желание завалиться на кровать в своей комнате и пару часиков всласть поспать. – Ну, в конце концов, не инквизиция же тут у них.

– Инквизиция? – передергивает его от одного этого слова. – Это типа дыбы и испанские сапоги с иглами?

– В испанских сапогах нет игл, – утешил его Мичман. – Это сапоги из сырой кожи. Их смачивают водой и, одев на ноги жертве помещают в огонь. Под действием температуры кожа сокращается, тисками сжимая ноги. Очень действенное средство для повышения разговорчивости и излечения всех видов склероза.

От таких комментариев Стас побледнел, и веснушки на мальчишечьем лице стали еще ярче.

– Ты серьезно? – на всякий случай переспрашивает он, глядя на абсолютно серьезное лицо Мичмана. – Думаешь, у них такое есть?

– А ну марш отдыхать! – отдает тот команду вместо ответа на вопрос. – Чтобы через три секунды вас уже здесь не было. Две из них уже прошли.

Не желая с ним спорить, покидаем комнату и уныло бредем по крутой каменной лестнице вниз. Наши комнаты находятся на втором этаже Башни, единственного здания внутри Цитадели.

– Привет! Ну, как вы? – участливо спрашивает поднимающаяся вверх Лена. Все уже в курсе происходящего, но подробности знаем только мы и Мичман.

– Хреново! Хреновее не бывает! – мрачно отмахиваюсь я. – Подставились по полной программе.

– А как вы его проглядели? Возле этой шахты ведь крупных скал нет. Сама не раз там бывала. Спали, наверное?

– Лен! – пытаюсь быть вежливым, говорит Стас. – Отстань, пожалуйста. Потом поговорим. – Он сделал ударение на слове «пожалуйста».

Лена обидчиво надула губы и двинулась вверх по лестнице, тряхнув перед нашим носом хвостом темных волос.

– Не обижайся! – говорю ей в спину. – Лен...

Она отмахивается рукой как от надоедливой мухи, и скрывается за поворотом, не удостоив нас даже взглядом.

– Терпеть не могу баб! – высказываю я свое мнение о произошедшем. – Одни проблемы.

Голова начала болеть еще сильнее. Из глубин мозга к вискам поднимается пульсирующая боль, постепенно оттесняя на задний план краски окружающего мира.

– Точно, – поддакивает Стас. – У людей тут понимаешь проблемы, а она обидчивую из себя строит, – он изобразил неприличный жест в сторону ушедшей девушки. – Вроде бы и взрослый человек. Двадцать лет уже, а ведет себя как избалованный ребенок. Может нас вечером в сапоги канадские засунут... А она тут...

– Я пошел отдыхать, – хлопаю разошедшегося Стаса по плечу, и иду к себе в комнату, не желая дальше выслушивать его глубокомысленные тирады.

Бесшумно открывшаяся дверь впустила меня в комнату. Спартанскую обстановку комнаты скрашивают только несколько пестрых плакатов с обнаженными девицами на стенах и висящий в кожаных ножнах двуручный топор с лезвиями причудливой формы. Даже не знаю, кто его заказал. У кого могло на это ума хватить? Когда разбирали огромную кучу заказа мне эта вещь приглянулась, и я ее сразу же заграбастал. Пользоваться я ним особо то и не умею, тем более что он тяжеловат для меня. Не дотягиваю силенками до викингов, махавшими в древности такими железками. Как по мне, автомат проще. И веса меньше и эффект побольше будет.

Постанывая, от пульсирующей в голове боли сбрасываю прямо на пол тяжелый бронежилет и падаю на жесткую кровать, накрытую пестрым матрасом.

Усталость и длительное нервное напряжение почти сразу отправляют меня в страну сна, полную скачущих тушканчиков и безголовых мужиков с трезубцами в руках.

Глава 3.

Здесь закат даже стыдно таким хорошим словом назвать. Учитывая, что вокруг все серое и скалы и небо, момент захода солнца больше похож на набрасывание замусоленной, рваной тряпки на пыльную и тусклую лампу. Становится чуть темнее и как бы еще серее. Здесь и приличной темноты то по ночам не бывает. Как только садится солнце, сразу же выпрыгивает еще более мерзкая луна похожая на гнилой кусок сыра, обкусанный мышами.

Я стою на вершине Западного бастиона. На самом краешке стены, чувствуя пальцами ног сквозь подошву тяжелых ботинок каменную грань.

Я провожаю солнце.

Пусть оно мне и чужое, но нет никакой уверенности, что я его еще увижу. Неизвестно, что решат гномы. Чем мы заплатим за гибель их сородичей? Жизнью?

Налетает холодный ночной ветер и теребит волосы. Жуть как не люблю стричься. Поэтому и ношу волосы, затянутые в хвост длиной до лопаток. Это служит поводом для частых шуток окружающих. Малыш, например, Маклаудом иногда величает. Но я не обидчивый... Да и нельзя особо обижаться на людей, которые прикрывают твою спину. А здесь это бывает ох как нужно. Наша сила в сплоченности. Если бы не Мичман, сумевший организовать нас и научить держать оружие, мы бы передохли в первый же месяц. А так, можно сказать, количество смертей было минимальным. Артур, Света и Джейсон. Три человека. Лица калейдоскопом мелькают перед глазами, на миг, заслоняя серые горы. Хорошие ребята были... Были...

Толи воспоминания, толи налетевший ветер выгоняют одинокую слезу. Она скользит по небритой щеке и уже готова спрятаться в усах. Быстро вытираю ее, и опасливо оглядываюсь. Вот еще не хватало, что бы меня увидели в таком состоянии.

Наконец солнце грязным тазиком скрылось за цепью гор, опоясывающих Пустошь. Наступили серые сумерки, разгоняемые лишь луной. Местная ночь.

Подняв голову вверх, пытаюсь увидеть звезды. До сих пор мне это ни разу не удавалось. Такое впечатление, что их здесь нет. Такого конечно не может быть, но сквозь пятнистую завесу вечных туч мы еще ни разу не видели чистого неба.

– Вить, – просыпается рация на груди.

– Да, – отвечаю я, еще раз вытерев глаза, как будто меня можно увидеть с помощью рации. Ухмыльнувшись своей глупой мысли, одергиваю руку. – Что?

– Приехали.

Приехали, значит...

Вот сейчас все и решиться. Рация не смогла скрыть волнение, сквозившее в голосе Стаса. Самое страшное это неопределенность и ожидание.

Спускаясь по лестнице, слышу гул открывающихся Южных ворот. Значит мне туда. Моя судьба сегодня решила заглянуть из южных краев.

Если взглянуть со стороны Цитадель представляет собой усеченную пирамиду, в основании которой лежит квадрат со стороной около двухсот метров. По углам квадрата находятся бастионы, выступающие из стен на пару метров. Высота наклонных стен с пятиэтажу будет. Мишка говорит, что меньше но, скорее всего ошибается. Мне, пять лет прожившему на пятом этаже, виднее. Бастионы чуть выше. Стены Цитадели гладкие, темно-зеленого цвета и венчаются парапетом, за которым мы и прячемся во время штурма. Бойницы имеются только в бастионах и Башне.

Подумав о штурме, я три раза постучал по стене. Хоть и не дерево, но может поможет. Штурмов уже не было недели три, и надеюсь, что еще долго не будет.

Каждая стена имеет ворота. Ширина их такова, что без проблем проедет большой грузовик. Поселившись, мы сразу же дали название бастионам и воротам по сторонам света.

Внутри Цитадели находится просторный двор, в центре которого расположено высокое здание в форме параллелепипеда. Мы называем его Башня. Внутри находятся жилые помещения, склады, арсенал. В центральном зале Башни находится передатчик, с помощью которой мы общаемся с гномами. Если уж быть совсем точным, то этот прибор лишь отдаленно напоминает ее. Хаотическое сплетение толстых, в палец, проводов, каких-то цилиндров, коробочек. И весь этот кошмарный сон электронщика смонтирован на толстенной каменной плите. Нагромождение увенчано двумя раструбами. В один мы говорим. Из другого нам говорят. В общем, техника на грани фантастики. Но что удивительно, в условиях местных гор их передатчик работает, а наши практически нет. Может дело в частоте, а может и в принципе передачи данных. Кто сказал, что это устройство использует для передачи голоса радиоволны? Никто. Это все не более чем наши догадки.

На плоской крыше Башни расположен наблюдательный пункт. Там постоянно находится вахтенный, осматривая окрестности. От его бдительности зависит наша жизнь. Один из факторов, позволяющих удержаться нам в Цитадели, это своевременное обнаружение приближающегося неприятеля и соответственно подготовка к дружеской встрече.

Вот, пожалуй и все, что нас окружает за исключением серых скал толпящихся по краям Пустоши...

Каменную идиллию Цитадели нарушают только автоматические спаренные пушки, стоящие на вершинах бастионов и тяжелый пулемет на смотровой площадке Башни.

Здесь нас девять человек. Шесть мужчин и три женщины. С начала, нас было двенадцать. К моменту истечения Договора станет еще меньше... В этом я не сомневаюсь.

Вот я уже и спустился. Передо мной дверь, ведущая из бастиона во двор. Хватаюсь за ручку и замираю от навалившегося приступа страха. Начинают предательски дрожать колени. Отпускаю дверь и, облокотившись на стену делаю несколько глубоких вдохов.

Нет. Не хочу, чтобы меня увидели испуганным. Надо вести себя достойно. В полумраке лестницы оглядываю себя. Поправляю перекосившийся бронежилет, удобнее устраиваю ремень автомата на плече и выхожу во двор, громко стукнув каменной дверью.

У входа в Башню меня уже ждут.

Здесь собрались все наши во главе с Мичманом. Отсутствует только Малыш. Он сейчас вахтенный. Девчонки стоят остронь, и что-то тихонько обсуждают. Аня, Лена и Рита. Симпатичные девушки. Они прижились в этом жестоком мире. Прижились с трудом.

Проблем не было только с Аней. Она в душе скорее мужчина, чем женщина. Она первая из них троих обучилась стрелять из автомата и во время первого штурма даже умудрилась спасти Стаса, увлекшегося отстреливанием тушканчиков, от напавшего сзади языка. Лена и Рита попав из мира люкса и комфорта, в мир смерти и постоянной опасности долго были обузой для всех. Их капризы и претензии касательно условий жизни и быта измотали всех. Даже Мичман не мог их вразумить. Они наотрез отказывались верить, что мы здесь надолго и требовали, чтобы их немедленно отправили домой. Когда во время второго штурма язык сожрал Светку, их подругу, они взяли оружие и поднялись на стены. После этого проблем с ними почти не было.

Мичман оглядывает присутствующих сидя на ступенях в Башню и посасывая трубку. Стас сидит рядом с ним, как бы под защитой. Как цыпленок-акселерат под крылом у мамы-курицы. Сравнение атлетического Стаса с цыпленком-акселератом мне понравилось, и я неожиданно для самого себя улыбнулся. Стас хмуро глянул на мою идиотскую улыбку и перевел глаза в сторону приближающихся гостей.

От Южных ворот в нашу сторону медленно шествуют два гнома. Верблюды, наклонив огромные лобастые головы, лениво плетутся за ними. Шипастые лапы гремят по камням двора, нарушая кладбищенскую тишину. Все молча наблюдают за их приближением.

Все наши, включая и женщин, вооружены до зубов. Наша компания выглядит довольно пестро. Одеты кто во что. Некоторые в военных камуфляжах, некоторые в обычной одежде украшенной бронежилетами и патронташами. Сильнее всех выделяется Мотор. Он запакован в черную кожу с головы до ног.

Мотором его прозвали за любовь к мотоциклам и байкерское прошлое. Он и в родном мире всегда щеголял в таком же наряде. Говорят, что он даже из спальни в сортир на мотоцикле ездит. Что, возможно, отчасти правда. Мотор откровенно презирает хождение пешком, и где только может, перемещается на мотоцикле. Вот и сейчас он удобно устроился в седле сверкающей хромом Хонды, сжимая в руках тяжелый пулемет, ствол которого однозначно отслеживает траекторию движения гостей и покачивая головой в такт музыке льющейся из наушников плеера.

Со стороны Мотор выглядит как этакий герой голливудского боевика. Наличие мотоцикла и оружия еще более увеличивает сходство. Среднего роста, атлетического телосложения. Мужественные черты лица со сверкающей улыбкой, сводящей с ума большинство женщин.

До гномов остается еще десяток метров, а мы уже ощутили их запах.

Запах – визитная карточка этих существ. Запах настолько сильный, что с непривычки может закружиться голова. Его нельзя назвать особо неприятным. Так пахнет заплесневевший сыр. Некоторым даже нравится... Лично я этот аромат терпеть не могу. Особенно сейчас...

Я никогда не мог отличать гномов друг от друга. Для меня они все на одно лицо. Маленького роста, не выше метр сорок, очень широкие в плечах, с длинными могучими руками и короткими кривыми ногами. В гномах самое неприятное это лицо. Девчонки до сих пор от них шарахаются и стараются по возможности держаться подальше.

Из-за непропорционально большой головы, сидящей на короткой толстой шее, лица кажутся еще более крупными. На их лицах доминирует нос – большой, крючковатый, мясистый вырост с оттопыренными ноздрями. Кожа очень грубая, похожая на наждачную бумагу, усеянную разномастными родинками и лишаями.

В общем, не лица, а рожи, самые настоящие. Этот натюрмордец (а иначе такую репу и не назовешь) дополняется крохотными глазками, прячущимися под массивными надбровьями и большими ртами с двумя рядами маленьких белых зубов. Когда гном улыбается, а это к счастью бывает редко, хочется отвернуться, чтобы не видеть эту хлебoreзку.

– Вы нарушили Договор! – сипя, произнес один из гномов, приблизившись.

– Нет, – спокойно парирует Мичман, не вставая со ступенек. – Мы сделали все что смогли. Выше себя не прыгнешь.

По предварительной договоренности, достигнутой в результате длительного спора всего коллектива в центральном зале Башни за час до приезда гостей, переговоры должен был вести именно он. От его словоблудия и выдержки, возможно, зависит наша судьба. А возможно она уже решена и не подлежит обсуждению.

– Погибли наши братья! – маленькие колючие глазки буравят собеседника как острые сверла. – Это нарушение Договора!

– Наши люди дрались, защищая ваших братьев. Они выполняли Договор. Нас не в чем упрекнуть, – гнет свою линию Мичман.

Только по тому, как он сжал побелевшими пальцами свою вересковую трубку, я замечаю его волнение.

– Мы пришли узнать правду.

Второй гном стоит в стороне и, не глядя в нашу сторону, поглаживает ногу верблюда. Животное довольно мотает головой и тихонько порыкивает в ответ на ласки хозяина.

– Пусть эти люди подойдут ко мне, – приказал первый гном. При этом он повелительно взмахнул рукой, от чего его темный плащ распахнулся, обнажая тело, покрытое густой кучерявой шерстью. Под плащом у него оказалась одежда, напоминающая крупнокачественную рыбац-

кую сеть с нашитыми кое-где лоскутками кожи. Сквозь ячейки сети кустиками проглядывает темная шерсть.

Мотор агрессивно повел в его сторону пулеметом но, повинаясь жесту Мичмана, недовольно опустил ствол вниз, с сожалением качая головой.

Мне его желание вполне понятно. Я и сам бы с удовольствием высадил обойму в этих уродцев. Но нельзя... Это явное нарушение Договора. За подобный поступок мы навсегда останемся на этой серой мрази и никогда не увидим дом. А ведь все мы живем надеждой возвращения домой.

Дом... У многих из нас там остались семьи. Некоторые даже считают дни оставшиеся до конца действия Договора.

Мичман утвердительно кивает головой, и мы подходим к гному. Рядом с ним запах становится нестерпимым.

– Ну, все было как обычно. Мы выехали к шахте... – начинает, волнуясь Стас, но гном прерывает его жестом.

Еще один взмах и к нам присоединяется второй гном. С удивлением замечаю, что это не гном, а гномиха, если можно так сказать. Оказывается у них и женщины есть! Не смотря на навалившийся страх, просыпается удивление. И оказывается они еще более мерзкие, чем мужики. От мужчин их отличают только плоские свисающие груди, прикрытые каким-то лоскутком, и куча всклокоченных темных волос в виде конского хвоста на макушке. Все виденные до сих пор мужчины были почти лысые, если не учитывать редкие жалкие кустики, торчащие по бокам черепа.

Со злорадством представляю гнома залезающего в постель к своей жене, исполнять супружеский долг, с закрытыми глазами, чтобы не видеть ее уродливую, сморщенную морду и нелепое по пропорциям тело. От таких мыслей на губах появляется улыбка.

Увидев мою злорадную ухмылку, Стас отшатывается от меня с легким испугом на лице. Видимо он решил, что я от страха перед приговором умом тронулся. Тушу ярко сияющую улыбку и кивком головы показываю, мол, все нормально, жив, здоров и крыша все там же.

– Молчите! – голос гномихи оказался на редкость приятным. Такой мягкий грудной голос. – Дайте ваши руки!

Переглянувшись, протягиваем руки, и они тут же погружаются в большие шершавые ладони гномихи.

– Вспомните, как все было, – завораживающе-повелительно звучит ее голос. – Вспомните шахту. Вспомните врага. Вспомните все.

Повинуясь ее голосу, мозг теряет связь с реальностью. Последнее, что я вижу это взволнованный взгляд Ани устремленный на меня. В руке она прячет ребристую гранату. Выдернутая чека валяется на земле. Пальцы дрожат, сжимая предохранительную скобу. Последняя мысль «Только бы никто не сорвался. Только бы...»

– Все! – повинаясь голосу, мир обретает прежние очертания.

Сквозь туманную пелену постепенно проявляется красивое женское лицо. Голубые глаза, длинные ресницы. Облако пепельных пушистых волос обрамляет приятный овал лица и плавно ниспадает на круглые плечи. Мягкие нежные губы что-то шепчут. Я наклоняюсь вперед, пытаюсь услышать. Лицо ближе и ближе. Женщина улыбается. Ее улыбка согревает меня. Все тело пронизывают лучики солнца. Земного. Настоящего солнца. Я протягиваю руку и провожу по бархатистой коже щеки. Пальцы ласкают пепельный локон.

– Витек! – голос бьет молотком по голове.

Запах! Какой неприятный запах! Пелена мигом спадает с глаз.

Я стою, наклонившись лицом к лицу с гномихой, и моя рука...

О боже!!! Моя рука ласкает ее бугристую мерзкую щеку, покрытую пятнами лишая и еще какой-то дряни. А прямо перед моими глазами два ряда мелких белых зубов – улыбка гномьей самки.

Инстинктивно отпрыгиваю назад, вскидывая автомат. Пальцы привычно находят курок. Сейчас я ее падлу! Ствол прыгает на уровень ее улыбки. Сейчас ты у меня поулыбаешься, гадина!

Сильный удар сбивает меня с ног, и я падаю на холодный камень. Лежа на спине, созерцаю перекошенное лицо Мичмана на фоне луны нависшее надомной.

– Ты что?! Совсем обалдел?! – оказывается, он тоже имеет нервы, и они иногда сдают.

– А что? – поднимаясь, спрашиваю я, пытаюсь понять, что произошло.

– То ты к ней лезешь обниматься! То стрелять в нее собираешься! – Мичман кипит от возмущения.

– Кто? Я? – переспрашиваю, пытаюсь вникнуть в происходящее. – А где она? – Верчу головой по сторонам в поисках той женщины, но рядом только обитатели Цитадели и пара гномов.

Вокруг меня столпились все наши. У всех на лицах улыбки. Немного напряженные, но все же улыбки. Начинаю чувствовать себя клоуном, но еще не понимаю в честь чего такой аншлаг и вообще, какого черта я полез обниматься с этой уродливой патлатой.

– Витек, кого ищешь? – с издевкой интересуется Мотор.

Гномы стоят в стороне, спокойно созерцая происходящее.

– Женщину!

В ответ раздается дружный хохот. Давно я не видел их смеющимися так искренне. Даже Мичман выпустил изо рта трубку и присел возле меня.

– Ну ты Виктор и даешь, – вытирает он слезы рукавом пятнистой куртки. – Ну, спасибо. Ну, насмешил.

– Вон твоя женщина, – успокаиваясь, тыкает пальцем Рита в укутавшуюся в длиннополый плащ гномиху. И уже стоящей рядом Лене. – Вот, что с мужиками длительное воздержание делает.

Наконец до меня доходит, что это была лишь иллюзия навеянная гномихой. Со злостью поглядываю в ее сторону. Это из-за нее я стал общим посмешищем.

– Витек? – долетает сверху, со сторожевой площадки. – Ты как, за безопасный секс?

Малыша хлебом не корми, дай только, кого подколоть.

Новый приступ смеха оказывается еще более продолжительным. Кажется, все уже забыли, ради чего здесь собрались. Происходящее больше напоминает вечеринку, на которой собрались хорошие знакомые попить пивка, отдохнуть, пошутить беззлобно друг над другом.

– Все! Хватит! – первым успокоился Мичман. – Повеселились, и будет. Важнее дела есть.

Через несколько минут ему удастся утомить не в меру развеселившуюся публику и обеспечить маломальский порядок.

Ну, все. Теперь мне какое-нибудь прозвище обеспеченно. Терпеть не могу клички. Еще в младших классах дрался за право называться только своим именем и никак иначе. А тут на тебе, такой повод всем дал.

– Что вы решили? – обращается Мичман к гномам.

Гномы переглянулись, как бы о чем-то совещаясь. Гномиха качнула уродливой головой, отчего сноп нечесаных волос упал на лицо. Она истинно женским жестом отбросила его назад. После случившегося, мне даже противно смотреть на нее. Ожидая приговора, я брезгливо вытираю пальцы правой руки, касавшиеся ее щеки, о джинсы.

– Один из них виновен. Второй нет, – выносит свой вердикт гном. – Она просмотрела их воспоминания. Вот этот, – он ткнул длинным крючковатым пальцем в мою сторону. – Он сделал все что мог. Он выполнил Договор.

При этих словах у меня отлегло от сердца. Что ни говори, а своя рубашка ближе к телу. Эгоист я все-таки. Чистейшей воды эгоист. Стас опустил голову, ожидая приговора. Слова гнома согнали остатки улыбок с лиц окружающих. Даже Малыш, свесившийся с края башни, чтоб лучше было слышно, перестал хихикать.

– Этот, – палец уперся в Стаса, – нарушил Договор. Он виновник гибели братьев. Он будет наказан.

Его слова как бы послужили сигналом. Почти одновременно все вскинули оружие. Сухо лязгнули затворы. Взглянув вверх, вижу, что Малыш развернул крупнокалиберный пулемет в нашу сторону.

– Эту проблему можно решить по-другому? – делает шаг в сторону гномов Мичман, тем самым, закрывая потенциальные мишени спиной и предотвращая намечавшееся кровопролитие. – Без наказания?

– Нет, – сипение карлика неумолимо.

– Пожалуйста! Ну не надо! Не убивайте его! – неожиданно для всех бросается к гному Рита, сдерживая рыдания – Я прошу вас! Не надо!

Она падает перед парочкой уродцев на колени и пытается ближайшего к ней ухватить за руку. Под напором девушки гномы делают шаг назад.

– Я прошу вас! Я же люблю его! Понимаете, люблю! – уже не плачет, а кричит она. – Не забирайте его у меня.

Вот те раз... Я и не знал, что у нас тут такие сердечные романы бурлят. Судя по лицам окружающих, они удивлены не меньше меня. Мичман, глядя на Риту, даже дымящуюся трубку изо рта чуть не выронил, но спохватившись, вернул своему облику привычную невозмутимость и спокойствие.

– Рит. Ну ты это... Перестань, – поднимает ее Стас. – Перестань. Не унижайся перед этими квазимордами. Они и твоего мизинца не стоят... – Он прижимает ее к своей груди и гладит по голове, успокаивая, как ребенка. По сравнению с его атлетической фигурой она кажется хрупкой соломинкой в объятьях дуба-великана. – Все будет нормально.

Мичман что-то тихонько шепнул на уши Ане и Лене. Девушки сразу же подошли к Рите, и взяв ее под руки, повели в Башню. Она даже не сопротивляется, только оглядывается на Стаса, шагая как заводная кукла, медленно переставляя непослушные ноги.

– Что с ним будет? – нарушая договоренность, обращаюсь я. – Какое наказание?

– Он умрет, как умерли наши братья. Его замуруют живьем в ветви шахты. Он умрет от удушья.

Неучи. Они даже толком не представляют, как умерли их сородичи, а берутся судить нас.

– Зачем вам это? – во мне просыпается злость. – Вам что, от этого станет легче?

– На рассвете, – сказал гном, игнорируя мой вопрос.

Они взяли за поводья верблюдов и чинно двинулись в сторону Южных ворот.

– Я сейчас кончу эту мразь! – выругался я вскидывая оружие. Желание размазать гномов по стене стало непреодолимым. Вот так просто говорить, о том, что они замуруют человека под землей, и он умрет от удушья. Скоты!

Рука Стаса легла на ствол моего автомата, отводя в сторону от намеченной цели. Я пытаюсь вернуть оружие в прежнее положение, но куда мне тягаться по силе со Стасом.

– Не надо Витя, – его голос дрожит. – Не надо. Вы только себя этим погубите. Если ты выстрелишь, никому лучше не будет, – он запнулся. – Ты же сам знаешь, я виноват. Это все из-за меня. Я обложался.

Я покорно киваю головой соглашаясь. Стас прав. В данном случае мы бессильны. Попытка бунта только ухудшит наше и без того невеселое положение. Придется, видимо смириться...

– Ну что? – рявкнул с мотоцикла во весь голос Мотор. Его могучий бас возмущенным вихрем пронесся по Цитадели. – Его поведут, как быка на бойню, а мы будем смотреть? А может еще и шахту поможем за ним закупорить?

– Давайте ... – начал Мичман.

Но мы так и не узнали, что же он хотел предложить.

– Штурм! – раздался истошный вопль Малыша с башни. – Штурм. Противник с юга.

– По местам! – голос Мичмана стал привычно командирским. – К бою!

Схема защиты была отработана в результате длительных, изнурительных тренировок. Мичман гонял нас до седьмого пота, приговаривая: «Трудно в учении, легко в бою».

Накаркал – вспоминаю я свою недавнюю мысль о том, что давно штурмов не было.

– В Башню! – орет Мотор, пробегая мимо гномов уже подошедших к воротам. Пулемет он тащит на плече как увесистую дубину. – В Башню! А то опять будете плакаться, что мы Договор нарушаем. И не высовывайтесь, пока все не закончится.

От его слов парочка испуганно дернулась, и ухватив покрепче поводья, засеменила к входу Башни.

– Тварей своих в дом не тащите. Это вам не хлев, – это уже Миша вмешался. Со своих двух с хвостиком метров роста невероятно худого тела он презрительно взирает на гномов. – А то дерьмо сами за ними убирать будете.

– Ну что, Витек? Повоюем? – хлопнул меня по плечу своей лапищей Стас. – Напоследок.

– Не дури, Стас! – прошу его, глядя на нездоровый огонек в глазах. – Никакого последка. До рассвета еще далеко. Мало ли чего...

Расположившись на стене за парашетом, проверяю оружие. Мимо меня пробегает Аня, и не останавливаясь, на бегу, бросает упаковку осколочных гранат для подствольника.

– Лови.

– Спасибо, – ловлю тяжелую картонную коробку и провожаю взглядом ее крепко сбитую фигурку, начавшую устраиваться за огнеметом метрах в десяти от меня.

С другой стороны кряхтит Стас, умащивая на парашете свой карабин и подстраивая оптику.

Теперь на южной стене все. Точнее почти все. Малыш все равно остается на вершине Башни. Он будет контролировать перемещение противника, и сообщать нам. Для полноценной круговой защиты Цитадели нас слишком мало. Вот и приходится бегать с одной стены на другую, удерживая натиск. Хорошо, что наш противник довольно таки туп и ни черта не смыслит в военном деле. Иначе Цитадель упала бы за какие-нибудь десять минут.

Всматриваюсь в серый сумрак, пытаюсь рассмотреть нападающих. Интересно, кто будет на этот раз.

Из Башни раздается тарахтенье дизеля, и сразу же вспыхивают прожекторы на бастиях и Башне. В принципе, видно и без них, но со светом веселей, да и твари свет в глаза не очень-то любят. Молодец Мичман, догадался в свое время заказать импортный дизель-генератор и несколько тонн соляры.

А вот и гости.

На зубастом фоне гор появляется первая волна наступающих. Сегодня у нас солянка... На штурм идут разноразличные твари. В первых рядах резво гарцуют тушканчики, браво размахивая длинными хвостами. За ними медленно перебирают восьмью колоноподобными ногами слоники, названные так за длинные чешуйчатые хобота, торчащие из морд, и плюющиеся кожаными капсулами с ведро величиной, набитыми личинками. Это самый опасный противник. Его обязательно уничтожить, пока не подберется на расстояние плевка. Иначе все... Кожаные капсулы будут лететь с завидной частотой как минометные мины. Ударяясь о камни, кожистая оболочка лопается, выплескивая на свободу прожорливых личинок, прогрызающих бронежи-

лет вместе с содержимым за пару секунд. Третьей линией двигаются медлительные языки – куски плоти, напоминающие амебу, длиной метров в пять. С ними проще всего. Был бы огнем. Огоньку эти твари не любят, это не слоники которых защищает костяная бугристая броня. Слоник нужен хороший гранатомет, никак не меньше. На языки же ничего кроме огня толком не действует. Их колышущееся желеобразное тело с легкостью затягивает полуметровые раны без особого ущерба.

Язык, разорванный пополам взрывом, уже через несколько минут превращается в две самостоятельные особи, каждая в половину меньше оригинала. Я где-то читал, что подобные организмы называются простейшими и размножаются методом деления. Выходит, что разрывая их на части, мы способствуем расширению их популяции.

Волна тварей неумолимо приближается.

Интересно, какого черта они лезут сюда? Как медом намазано... Вроде и тупые твари, сплошные инстинкты вместо мозгов, а собираются, вот как сейчас, разномастные и прут как танки. В периодичности нападений нет никакой системы... Впрочем, это не единственный вопрос, не имеющий ответа. Малыш, еще в начале предположил, что животными кто-то управляет. Может оно так и есть...

– Приготовиться! – скомандовал Мичман, устроившись на жесткой седушке пушки. Он будет вести общее руководство боем. От него, как командира, во многом будет зависеть исход сражения. Все мы, будем периодически поглядывать на него, как бы ища поддержки в трудную минуту. Я точно знаю, что стоит ему показать свой страх, прячущийся где-то в глубине под тельняшкой, и Цитадель падет. Падет, лишенная своего главного оружия – коллективной отваги, морским узлом завязанной на харизме одного человека.

– Еще немного, и слоники окажутся на расстоянии плевка. Пора начинать, – нервничает под боком Стас и разглядывает первую мишень в оптический прицел.

У каждого из нас своя специализация. Каждый будет заниматься отведенным ему типом тварей в своем секторе. Так будет длиться до тех пор, пока твари не окажутся у самых стен... Тогда начнется форменная свалка. Каждый будет палить во все, что шевелиться...

Поправляю сползший на лоб стальной горшок шлема. Грубый брезентовый ремешок уже успел растереть подбородок, и теперь тот раздражающе чешется. Терпеть не могу этот груз на голове, но желание сохранить его содержимое в целости все же сильнее.

– Поехали!

В ответ на эти слова Цитадель отвечает шквалом огня. С двух бастионов длинными очередями бьют спаренные пушки, прореживая густой расческой ряды нападающих. Сквозь их прерывчатый гул слышу забористый мат Мотора. Он стоит, широко расставив ноги, и тяжелый пулемет пляшет у него в руках, извергая свинец. Лента, набитая разрывными, как змея обивает его ноги, и шевелиться укорачиваясь при каждой очереди. Патроны мы не экономим. Запасов, хранящихся в арсенале, хватит лет на десять... Слева глухо ухаёт карабин. Стас стреляет редко. Но я точно знаю, что каждый выстрел, это очередной труп тушканчика на Пустоши.

Приклад при каждом выстреле больно бьет в плечо. Я пока стреляю обычными патронами. Для гранатомета еще время не пришло.

Мичман называет эту какофонию музыкой войны. Ему нравится. Это как говорить на любителя. Я рад бы этого никогда не слышать. Я больше обычную музыку люблю.

Над головой рассерженными пчелами роятся трассеры. Это Малыш плодит их из пулемета на Башне. Он что-то кричит, подбадривая себя, но часто бьющие пушки заглушают его голос.

Встретив сопротивление, твари увеличивают скорость вместо того, чтобы как обычно замедлить ход или отступить. Тушканчики как ненормальные прыгают из стороны в сторону, уклоняясь от огня. Слоники плотнее сдвинули пластины панцирей на головах, и медленно но уверенно продвигаются вперед, не спеша передвигая попарно восемь толстых лап.

Эх, жаль, мы ракетную установку не заказали. А так пока с ними разбираются только пушки с бастонов. Я вижу, что иногда снаряды рикошетом отскакивают от брони слонов и взрываются в стороне.

Вот и пришла пора гранатомета. Задираю ствол повыше и начинаю без остановки выпустить осколочники.

Первая серия, прочертив в ночном воздухе пологие кривые, ложится между тушканчиками и слонами. Нет. Так не годится. Хвостатых и без меня уделают... Сейчас моя задача – слоны, тем более что они уже слишком близко. Задранные вверх хоботы выплевывают поблескивающие в свете луны кожистые капсулы. К счастью пока они до стен не долетают, а разбиваются о камни Пустоши.

Загоняю новую обойму гранат... Серия выстрелов... Пять гранат ложатся точно на спины любителей поплевать. Один из них останавливается, медленно заваливаясь на бок, и начинает хаотически дергать лапами, пытаюсь дотянуться до рваного пролома в бронированном боку. Взрывом пластины панциря вывернуло почти наизнанку, и теперь они торчат в разные стороны, окаймляя пульсирующую плоть раны. Еще обойма... Теперь уже пять фугасов ложатся практически в одну точку – на спину крупному слону идущему во главе шеренги сородичей. С радостью смотрю на разлетающиеся в стороны куски брони и внутренностей.

Из меня получился бы не плохой мясник, если бы я, конечно, не был таким брезгливым. Но думаю, еще пару месяцев в этом мире и о моей брезгливости можно будет забыть.

На мгновение отрываю взгляд от бойни на Пустоши и осматриваю стены. Мичман как бы слился со своей скорострелкой. Он сейчас обрабатывает левый фланг. Судя по количеству развороченных панцирей и оторванных лап, дела у него идут очень даже не плохо. Стволы пушки уже алого цвета от частых выстрелов. Главное, чтоб не заклинило. Слишком уж интенсивно сегодня прут зверюшки... Волна за волной.

На правом фланге дела похуже. И тварей побольше и трупов поменьше. Из Мишки такой артиллерист как из дерьма пуля. Его с Мичманом не сравнить. Как бы подтверждая мою мысль, очередь из его пушки вспарывает камни метрах в десяти он первой линии наступающих.

– Мазила! – вырывается у меня в его адрес.

Оценив обстановку поворачиваю ствол правее и отправляю несколько обойм на помощь Мишке. Он, увидев незапланированные взрывы в своем секторе, поворачивается и показывает мне кулак.

– Ребенок, блин! – пренебрежительно бросаю в его сторону, зная, что он все равно не услышит.

В тусклом свете луны и прожекторов поле боя выглядит кошмарно. Горы развороченной плоти, по которым ползут новые и новые ряды тварей. От хаотических прыжков тушканчиков уже рябит в глазах. Пустошь до самых гор заполнена живым колышущимся морем наступающих животных.

Чвак!

В метре от меня падает кожистая капсула. Оболочка лопается, и на свободу вырываются прожорливые личинки величиной с палец. Они начинают расползаться в стороны в поисках пищи. Отпрыгиваю в сторону, чтобы не стать их ужином. Непослушные руки пытаются отстегнуть с пояса термогранату. Пока я суетился, Аня развернула в мою сторону станковый огнемёт и полоснула по расползающимся личинкам веером пламени, прогудевшим почти у моих ног. Мгновенно вспыхивая, личинки сгорают, оставляя после себя лишь сморщенные комочки.

Машу ей рукой. Мол, спасибо. Она с улыбкой отмахивается и разворачивает свое грозное оружие в направлении надвигающихся тварей. Сейчас начинается ее сеанс. Языки безнаказанно прошли сквозь полосу артогня и уже добрались до стен. Желая ей помочь, отправляю вниз пару термогранат. Они падают прямо на спины языков, уже доползших до подножия стен, и вспыхивают ярко-белым светом, прожигая желеобразных существ насквозь.

Капсулы бьются о стены все чаще и чаще. Еще чуть-чуть и нам придется ох как туго. Теперь кроме стрельбы мы занимаемся еще и маневрированием, стараясь не попасть под летящие капсулы и не наступить на вечно голодных личинок. Хорошо, что летят они медленно. Можно хоть успеть отпрыгнуть, а потом пригнать десантников огоньком.

Руки уже онемели от постоянных рывков гранатомета. Я работаю как машина. Обойму вставить. Затвором загнать первую гранату в ствол. Выбрать угол наклона. Пять раз нажать на курок.

Вот теперь начинается полная свалка. Взрывы снарядов ложатся уже почти у самых стен. Это Мичман и Миша пытаются уничтожить хотя бы первую волну, накатывающуюся на каменные стены Цитадели. Я даже не смотрю куда стреляю. Учитывая количество животных и их плотность промазать невозможно.

Давлю каблуком сапога подобравшуюся к ноге личинку. На темно-зеленых камнях остается желтое пятно. Даже такую мелочь надо делать со знанием специфики врага. Наступишь личинке на хвост, она мигом вывернется и проделает дыру в ботинке. Это в лучшем случае... Если же успеть раздавить голову с бритвенными челюстями быстрым движением, то можно безнаказанно отправить червячка на тот свет.

В последний раз, плюнув огнем замолкает левая пушка. Теперь в этой какофонии, как будто не хватает одного басового инструмента. Мичман шустро прыгает с бастииона на стену и укрывается за парашютом от летящих в его сторону кожистых снарядов. Поскальзываясь на обрывках лопнувших капсул, он подбегает и устраивается рядом.

– Дело дрянь! – орет он, стараясь перекрыть многоголосый хор стволов и рев животных. – Пушка заклинила!

– Что делать? – хриплю я. Наверное, во время боя я кричал, сам не замечая этого, вот и охрип.

– Отступаем в Башню. Стены мы не продержим.

Как бы в подтверждение его слов, размахивая хвостом, на стену выкарабкивается тушканчик. Он цепляется передними короткими лапами за край, неуклюже подтягивая туловище.

Дожидаюсь, пока над краем покажется торс, и нажимаю курок гранатомета. Близкий взрыв бьет по перепонкам и нас с головы до ног забрызгивает кровью. Туловище тушканчика, разорванное пополам, падает вниз, на шевелящиеся спины языков.

Черт! И почему эти твари не жрут друг друга? Неужели мы для них такой деликатес?

Над головой Мичмана вспыхивает ярко-синий факел, отбрасывая причудливые дрожащие тени – сигнал к отступлению. Не прекращая огня мы спускаемся со стен и двигаемся к входу в Башню. Малыш поливает стены огнем, прикрывая наше вынужденное отступление.

Выстраиваемся в ряд у Башни. Восемь человек. Плечом к плечу. Слева от меня Мичман, справа Рита. Кто бы сейчас сказал, что это девушка из высшего света. Пятнистый комбинезон забрызган какой-то дрянью, на правом бедре топорщится подсумок с одиноко выглядывающей обоймой. В руках легкий пистолет-пулемет. Нахмуренное лицо в крови.

– Ранена?

– Нет. Упала, когда сюда бежала, – отмахивается она.

Теперь нам чуть проще. Капсулы сюда не долетают. Наши противники в основном языки и каким-то образом взобравшиеся на стену Цитадели тушканчики.

Никогда не думал, что они еще и по стенам ползать умеют.

Так мы держимся еще минут десять. Языки уже сжигаем практически у своих ног. Они беззвучно корчатся пожираемые беспощадным пламенем. На еще дымящиеся обмякшие туши лезет следующий строй им подобным. И так повторяется несколько раз.

– Смотри, – толкает меня Рита.

Ее глаза широко открыты, а перепачканное кровью лицо перекошено страхом. Взгляд в указанном направлении приводит мое лицо в аналогичное состояние.

Через стену пошла новая лавина языков. Даже не лавина, а лавинище. Они ползут друг по другу стремясь перевалить через внутренний край стены. Падая во двор, языки звучно шлепаются о камни, принимая форму тонкого блина, и сразу же возвращаются к нормальному состоянию, чтобы ползти к нам.

Бой длится уже третий час. Такого еще никогда не было. Никогда эта мерзость не проникала внутрь Цитадели. Теперь мы заперты в Башне и отстреливаемся из бойниц. Девушки во главе с Аней бросают с крыши бутылки с зажигательной смесью. Двор превратился в пылающий ад. Под шевелящимся ковром языков камней не видно. Эти слизняки уже поднялись на уровень второго этажа и теперь нам слышно шуршание их липких оснований о закрытые бойницы.

Мимо меня по лестнице вверх пробегает, тяжело дыша, Миша. Он несет очередной ящик с бутылками из арсенала. Судя по выступившим на лице капелькам пота это далеко не первый ящик.

В углу комнаты случайно замечаю мирно сидящих гномов. Они устроились прямо на полу, оперевшись спинами о стену и плотно закутавшись в длинные плащи. На уродливых лицах выражение полной безмятежности и спокойствия. Заметив мой взгляд, гномиха изобразила лучезарную улыбку в мой адрес и что-то сказала. Сосед мрачно посмотрел на нее, заставив умолкнуть. Гномиха зло тряхнула пучком волос и опустила глаза в пол.

Эта парочка, как говорит Мотор, квазиморд меня здорово разозлила. Тут такое творится, а они расселись. Отдыхают, видите ли. Чистоплюи, мать их...

– Вы чего расселись? – хриплю в их адрес, оторвавшись от обстрела тушканчиков, пытающихся допрыгнуть до открытых бойниц и ударить по ним хвостом. – Помогли бы лучше.

– Это ваша работа, – глубокомысленно заметил гном даже не повернув головы. – Вам ее и делать.

– Козел! – вырвался из груди жалкий хрип бессилия.

Моя б воля, голыми руками открутил бы этому умнику башку.

– Последний рубеж! – раздался крик сверху.

– Последний рубеж! – понеслось по цепочке.

Никогда не думал, что до этого дойдет. Последний рубеж всегда казался каким-то символическим, приносящим уверенность средством, но не более.

Выглядываю в узкую прорезь бойницы, пытаюсь понять, что заставило пойти Мичмана на последний аргумент защиты. Оказывается тушканчикам удалось непонятно как откинуть засовы и открыть одни из ворот...

Случайность?..

Разум?..

И теперь через них во двор Цитадели вливаются потоком слоновьи полчища. Расталкивая толстой грудной броней обгорелые остатки языков, они медленно перебирая лапами, двигаются в сторону Башни как танковая дивизия. Такие же грозные и массивные.

Я с ужасом представил, что произойдет, если хоть одна капсула попадет внутрь Башни. Рассмотреть на полу в сумраке личинок величиной с палец будет трудно. Огнеметом и термोगранатами в замкнутом помещении не повоюешь, самым хуже будет.

Все бросились закрывать заслонками бойницы. С лязганьем защелкиваются каменные засовы, входя в пазы. Появившаяся в комнате Аня помогает мне ускорить этот процесс.

– Есть готовность! – ору что есть сил, закрыв все бойницы.

Моему голосу вторят мужские и женские подтверждая готовность к последнему рубежу.

Я замер в ожидании. Аня, стоящая рядом, прижалась ко мне, как бы ища защиты. Я крепко обнял ее. В комнату постепенно стекаются грязные измотанные боем люди. Теперь

в помещении смешались крепкий запах пота, гномья сырная вонь и сладкий аромат крови, обильно покрывающей одежду вошедших.

– Вот это битва! – вваливается с верхнего этажа Мотор, обмотанный крест накрест пулеметной лентой поверх черной кожаной куртки. – Чистое Ватерлоо! Они лезут и лезут... Мы их мочим и мочим...

– Ага! – мрачно поддакивает Миша. Он как раз тащил вверх очередной ящик с бутылками, но наткнувшись на спускающуюся Лену, поставил его в угол комнаты. – Вляпались по полной. Сидим, как кильки в банке, ждем пока ее вскроют и употребят нас с гарнирчиком.

– ... под водочку! – с блаженной улыбкой на лице откуда-то снизу выбирается Малыш, краем уха услышавший наш разговор. – И чтоб грибочки обязательно были. Без грибочков никак нельзя, кошунство над продуктом получится. – Он аппетитно улыбнулся, представив себе такую райскую благодать.

– Малыш, не трави душу, – окрысился на него Миша. – Нас сейчас самих этот последний рубеж может медным тазиком накрыть, а ты ...

От прослушивания прямой трансляции их гастрономических дебатов меня отвлекает злой бас Мотора за спиной.

– ... а эти тут чего делают? – выверился в сторону гномов Мотор. – Люди тут, понимаешь, рубятся до последнего, а они сидят думу думают! Ану встали быстренько и за работу!

На самом деле работы сейчас никакой нет, и если последний рубеж сработает неправильно, то никогда уже и не будет. Но я полностью согласен с его праведным гневом и поэтому не обращаю внимание на маленькую неточность.

Гномиха оторвала глаза от пола и презрительно глянула на него.

– Не прячь свой страх за бравадой, – сказала она очень тихо, но все присутствующие услышали и обратили свои взгляды на него.

Даже Малыш с Мишкой прервали обсуждение специфики одновременного употребления коньяка с пивом и повернулись к нам.

– Да я сейчас эту козявку кривоногую изуродую как бог черепаху! – уперся горящими злостью глазами в гномиху разозленный правдой сказанной вслух Мотор. – Все рано терять нечего! Сожрут нас... Сожрут и не подавятся. А так хоть напоследок потешимся... – Он достал из-за голенища высокого кожаного сапога, короткий нож с широким изогнутым лезвием и недобро улыбувшись, двинулся в сторону гномов. – Сейчас я ей кровушку то пущу. Это они гады нас сюда заманили. Пусть теперь и расплатятся.

Мотор разошелся не на шутку. Он действительно собирается пустить нож в дело и вспотеть столь нелюбимых гостей. Гномы разом вскочили на ноги и прижались спинами к стене. У обоих в руках появились узкие длинные стилеты из темного камня. Похоже, что даром они свои жизни отдавать не собираются. Нам сейчас здесь для полного счастья поножовщины с гномами не хватает...

До сих пор я думал, что они мирные существа и оружие не применяют. Иначе, зачем мы тут? Зачем нам защищать их от всяческих зверей возле шахт?

– Стой! – хватаю Мотора за плечо. – Стой Мотор! Сперва разберемся с теми, кто с наружи, а потом ... – Я задумался, подбирая нужное слово. – Потом будет потом. Остынь.

Гномиха бросила в мою сторону благодарный взгляд. Я сделал вид, что ничего такого не заметил.

– Ладно, – недовольно пробурчал Мотор резким движением сбрасывая мою руку с плеча. Похоже, он рад, что кто-то его остановил, но старается этого не показывать.

Как только я отошел от него, Аня опять прижалась ко мне дрожащим телом в поисках защиты.

– Я боюсь! – тихо шепчет она. – Я не хочу так умереть!

– Держись Анютка! – мой голос звучит никак не успокаивающе. – Прорвемся.

– Правда? – с надеждой шепчет она, заглядывая в глаза в поисках подтверждения сказанного.

– Да. Все будет в порядке, – стараюсь врать убедительней.

Лично я почти не верю в последний рубеж.

Краем глаза вижу гномью самку, с недовольным лицом усаживающуюся на прежнее место. Если я разбираюсь в женщинах, то мина недовольства была вызвана моим поведением в отношении Ани. Дожился, какая-то лишайная гномиха ревнует меня к очень даже симпатичной девушке. Абсурд!

Из тьмы лестницы выныривает хромающий Мичман. Теперь в комнате собрались все.

– Кто верующий молитесь! – громко произносит он. – Атеисты материтесь! – и весело улыбается.

– Ты чего?

– Давно я так не веселился! – почти искренне отвечает он. – Все здесь? Никого не забыли?

– Да! – нестройный хор в ответ.

– Гномы здесь? – он вертит головой, осматривая комнату

– Мы здесь, – просипел гном из угла.

– Ну раз вы здесь, тогда значит точно все в порядке, – ерничает Мичман. – Тогда поехали. И не говорите потом, что мы не выполняем Договор.

Он взял в руки маленькую коробочку передатчика с изогнутым штырьком антенны, глубоко вздохнул и нажал красную кнопку на верхней крышке.

Башня вздрогнула от взрыва. Нас подбросило вверх и шмякнуло об пол. В глазах потемнело. Кажется, что мир перевернулся вверх ногами. Испуганно завизжала Лена, искусно заполнив ультразвуком секундную паузу между взрывами. Еще несколько менее сильных толчков. Как при землетрясении... Что-то загрохотало вниз. Наверное, слетел с фундамента дизель.

Я так и не выпустил Аню из объятий. В результате нас бросает по комнате вместе как сросшихся сиамских близнецов. Куда ее туда и меня, куда меня туда и ее. Сперва об пол приложило меня так, что я аж квакнул, а при следующем толчке мы поменялись ролями. Ее рот раскрылся в крике боли, но я ничего не слышу, так как уши еще не отошли от грохота взрывов.

Наконец все стихло. Люди начали со стоном подниматься и отряхиваться. Комната наполнилась оханием, стонами и выразительной руганью в адрес пиротехнических способностей Мичмана.

Я помог встать с пола Ане. Она хватается рукой за затылок.

– Больно как! – стонет Аня облачаясь на меня. – Я думала, голова на части расколется, как арбуз.

– Голова кружиться? – заботливо спрашиваю я, придерживая ее за талию.

– Вроде нет, – она с гримасой боли на лице пытается вертеть головой.

– Эт самое главное, – вмешивается Стас. – Значит, сотрясения нет. Жить будешь долго и счастливо, – он довольно ухмыляется своей незамысловатой шутке.

Стас единственный, чудом оказавшийся без синяков и ушибов.

– Вот это феерверк! – простонал Мотор, держась за разбитый лоб. – Слушай Мичман, чему вас там, на флоте, учат? Я и в кино такого не видел... Точнее не слышал. – Он достал из кармана кожаных штанов большой клетчатый платок и приложил к кровоточащему лбу.

– Что с гномами? – неожиданно проявляю заботу я, отстранившись от Ани. – Живы?

– Почти, – отвечает гномиха вытаскивая своего товарища из-под горы пустых деревянных ящиков из под патронов. – Спасибо за заботу.

Гном что-то яростно сипит, выбираясь из ящичного плена. Вид у него весьма помятый и крайне недовольный. И неудивительно, ящики хоть и пустые, но довольно тяжелые. А в стопке их было десятка два, не меньше.

– Витек, что-то ты о ней подозрительно беспокоишься, – хихикнул из противоположного угла комнаты Малыш. Он как раз помогает встать тихонько ругающемуся Мише. Рядом они смотрятся забавно. Скелетообразный Малыш с трудом достает до груди долговязому другу. – То ты с ней во дворе обнимаешься, то вот здоровьем интересуешься... К чему бы это? Ориентацию сменил?

– Просто не хочу, чтобы нас опять обвинили в смерти гномов и нарушении договора, – неловко оправдываюсь я.

– А-а-а! Ну тогда ясно, – Малыш хитро глянул на меня. – Дело ясное, что дело темное. Уже вставший Миша согласно кивнул головой, присоединяясь к этим словам.

– Да я же ради вас всех... – покраснел я под издевательским взглядом Малыша.

– Ага, – не унимается Малыш. – И целоваться ты лез к ней тоже ради всех.

– Малыш, умолкни! – мигом погасил Мичман улыбку на его лице. – Нашел время... Пора уже выглянуть наружу и посмотреть, что получилось, – он махнул рукой Мише, стоявшего ближе всего к бойнице. – Миш, глянь, что там.

Миша отодвинул защелку, удерживающую каменную пластину, немного приоткрыл заслонку и опасливо выглянул наружу.

– Ну что там? – не выдержала Рита. – Много живых осталось?

Миша повернул к нам сияющее радостью лицо и произнес:

– Хиросима!

– Что Хиросима? Какая Хиросима? – затараторили все.

От его слов у меня мороз по коже побежал. Я представил идущего по Пустоши улыбающегося монстра с ядерной боеголовкой в руках.

– Снаружи Хиросима! Одни обгоревшие трупы остались! – радостно проорал Миша, развеяв мои глупые мысли. – Можно выходить! – и первый ринулся к лестнице ведущей вверх, на смотровую площадку Башни.

За ним гурьбой повалили остальные.

Через минуту мы стоим на крыше Башни. Встает неумытое заспанное солнце, желая поскорее узнать, что произошло в его отсутствие. Начинается очередной серый день...

Остатки побежденной армии тварей улепetyвают к горам на всех парах. В арьерграде движутся раненые, оставляя за собой темные кровавые следы и уже не способных идти сородичей. Оставшиеся лежать жалобно воют, умоляя помочь им, но однопольчане уходят, не оборачиваясь на вопли неудачников.

Одним словом животные...

Весь двор Цитадели завален слоем золы и остатками почерневших туш. Внутренняя сторона стены из темно-зеленой стала абсолютно черной от слоя копоти.

Пристально осматриваем поле боя за пределами Цитадели. Ни одной живой твари в радиусе нескольких километров, если не считать мелькающих на фоне гор недобитых остатков некогда грозного войска, лишь шевелящийся под дуновениями ветра пепел, какие-то ошметки и трупы. Горы трупов, мертвым ковром покрывающие камни Пустоши.

– Сработало! – удивленно говорит стоящий рядом Мичман. – Я думал, что стены не выдержат. Но ничего... Выдержали... На совесть делалось.

Он с любовью похлопал по парашюту Башни. Руки сразу же покрылись слоем жирного пепла.

Мичман огляделся по сторонам и вдруг неожиданно для всех издал победный крик. Наверное, так орали наши предки, побеждая мамонта или защищая свое жилище от саблезубых тигров. Через секунду его крик подхватили еще восемь глоток.

Крик плывет над Пустошью, бьет отступающих в спины, гоня прочь отсюда, эхом отражается от стен Цитадели.

Крик торжества.

Крик жизни.

Гномы с удивлением смотрят на толпу орущих людей и недоуменно переглядываются.

– Почему вы кричите? – поинтересовался гном у Мотора.

– Мы живы! Мы победили! – ликующе произнес тот.

– Всего лишь! – разочарованно просипел гном. – А что, могло быть иначе?

Мотор пристально посмотрел на него и отрицательно помотал головой.

– Нет. Не могло. – Он пробежался глазами по окружавшим его людям, как бы ища ответ в их лицах. – Ведь мы люди и этим все сказано.

Гном на мгновение задумался.

– Да. Вы люди. И этим все сказано, – произнес он толи с уважением, толи с насмешкой. – Поэтому вы и здесь.

Оружие, придуманное Мичманом, сработало на славу. Не скоро еще местная живность захочет отведать такого огонька.

Мичман предвидел возможность такого кризиса, и заранее по периметру крыши Башни разместил бочки с напалмом. К каждой бочке было примотано несколько тяжелых мин с радиодетонаторами. Когда языки добрались до третьего этажа, бочки с открученными крышками были сброшены вниз. Напалм растекся по всей Цитадели. Потом были закрыты все бойницы в Башне, чтобы не поджариться самим. Подождали еще чуть-чуть, пока во двор напоззло тварей побольше, и подорвали мины. От взрывов вспыхнул напалм, окутывая стены и башню огненным покрывалом. В результате Цитадель, заполненная животными, превратилась в огненный ад, в котором уничтожалась любая органика. Тела грозных животных мгновенно сгорали, превращаясь в комья жирного пепла. Пламя напалма, дополненное взрывами мин, дало замечательный результат, и мы получили то, что мы получили... Жизнь и победу.

Все опасались, что Башня не выдержит взрывов мин, но все обошлось. На стенах не появилось ни одной трещинки. Даже заслонки бойниц, наиболее тонкие элементы строения, остались целыми. Я с уважением подумал о создателях Цитадели. Кто они эти гениальные строители, сумевшие создать столь мощное оборонительное сооружение, неподвластное ни времени, ни оружию?

Удовлетворенно оглядев бойню, и что-то тихонько обсудив между собой гномы отправились вниз.

– Стойте, а как же я? – заговорщицки подмигнув нам, окликнул их Стас. – Ведь уже рассвет... А вы собирались меня похоронить живьем... – напомнил он гномам их вердикт.

– Твоей вины больше нет, – не оборачиваясь просипел гном, а его спутница утвердительно кивнула и выдала мне напоследок лучезарную улыбку, от которой меня чуть не стошнило.

С чувством выполненного долга на лицах парочка двинулась вниз по лестнице провожаемая слегка растерянными взглядами.

– Какая жалость, – давя рвущуюся на свободу улыбку, Стас с трудом сделал серьезную мину. – Я уж было думал, что больше не увижу этот гадкий мирок с его прожорливыми обитателями.

От его слов гномы остановились на пол пути. Из люка теперь были видны только их удивленные лица, направленные в сторону Стаса. Две пары маленьких глаз пристально ощупывали его лицо.

– Ты не рад жизни? – просипел гном, не отводя глаз от его лица.

В голове недомерка шли бурные мыслительные процессы, выражавшиеся появлением большого количества глубоких складок на покато лбу.

– А чему радоваться? – продолжает играть непонятную для нас роль Стас. – Вот этому комку пыли? – он ткнул рукой в сторону поднимающегося солнца. – Или этой куче мусора? – перевел он руку пониже, указывая на загаженный остатками тел и пеплом двор Цитадели. – Кому вы думаете придется это дерьмо убирать? Не догадываетесь? Так я подскажу... Мне, именно мне! А вы говорите радоваться... Шутники блин!

– Странные вы! – вздохнул гном, и парочка продолжила спуск.

– До свидания, – чуть ли не пропел им в след Стас.

Рита с радостным визгом бросилась на шею Стасу, осыпая его лицо нежными поцелуями.

– Это правда? Тебя не заберут? – несколько раз подряд спросила она как бы не веря в произошедшее.

– Поделись секретом! – насел на него Миша. – Как тебе удалось отмазаться от гномьего правосудия. Чем ты их подкупил? Может и мне потом пригодится.

– Как чем? – весело удивился неугомонный Малыш. – Вон Витек с гномятиной пообнимался, и его сразу же признали невиновным. Наверное, и Стас, пока мы тут воевали, возле самочки подсутился. Комплиментики, поцелуйчики и вяское разное.

Стас замахнулся, желая пнуть Малыша ботинком чуть пониже спины, но тот привыкший к такой реакции на свои шутки вовремя отпрыгнул.

– Ну и как? – не унимается он. – Тебе понравилось?

– Отстань! – неожиданно грубо рывкнула на него Рита. – Человек, можно сказать чудом в живых остался, а ты с такой глупостью лезешь. – Она покрепче прижалась к Стасу. – Тебя ведь правда не заберут? Это не шутка?

– Правда, – с хитрой улыбкой подтвердил Стас. – Ведь я их спас от языка. Сжег его в метре от них. – Он с опаской глянул на лестницу и убедившись, что гномы уже далеко внизу, тихонько добавил, – Правда, они не знают, что я его сам и впустил его в комнату через окно... Вот так... Героем быть легко, главное хорошо подготовиться.

Башня содрогнулась от дружного хохота. Две победы в один день это совсем не дурно.

– Теперь всем отдыхать! – довольно разгладил усы Мичман, отсмеявшись. – Всем кроме героя. Он останется здесь, и будет беречь наш сон.

– А почему я? – возмутился Стас.

– Ты эту кашу заварил? Вот теперь будь добр поработать, – присек попытку бунта Мичман. – А после тебя еще ждет уборка территории.

– Одному? – чуть не задохнулся от возмущения Стас. – Да мне же тут на месяц ковыряться хватит. Мичман ну ты сам посмотри, сколько тут дряни всяческой валяется.

– Это не честно, – вмешалась в разговор Лена, за что заработала ревнивый взгляд от Риты. – Воевали вместе, а убирать одному? Пусть он и виноват...

– Хорошо, – Мичман оглядел присутствующих. – Уборкой территории займутся все, но только после отдыха. Ночь была слишком тяжелой, чтобы сейчас начинать разгребать эту помойку. – И уже спускаясь по лестнице, тихонько буркнул. – Уже и пошутить нельзя.

Я провел Аню до ее комнаты. Стоя в проеме двери, она взяла меня за руку.

– Спасибо Витя!

– За что? – не понял я.

– Тогда в Башне я здорово испугалась. Если бы не ты... – она опустила глаза.

– Мелочи. Мне было не лучше. Думаешь, я не испугался?

– Ты испугался? – кажется, она удивлена. – Ты был такой спокойный, такой уверенный в себе.

Вот те раз. У меня коленки дрожали от страха, а она говорит спокойный, уверенный. В тот момент я молил бога, в которого искренне не верю, чтобы выдержали каменные стены.

– Я не привык выставлять на показ свои чувства.

– Ты сильный, – она прижалась ко мне, как тогда в Башне.

От близости ее тела, пусть и облаченного в грязную от пепла и крови, одежду во мне зашевелилось какое-то чувство. Я с подозрением заглянул в себя, желая точно определить, что это за чувство такое и откуда оно выползло. Самодиагностика не принесла никакого утешительного результата...

– Когда ты рядом мне так уютно и безопасно, – ее руки заскользили по моей спине, пробуждая желание, прибывшее на подмогу чувству.

– Тебе нужно отдохнуть, – я легонько отстранил ее от себя. – Нам всем нужно отдохнуть... Давай поговорим потом... Чуть позже.

– Ладно, – она быстро наклонила голову, но я все же успел заметить блеснувшую на реснице слезу. – Пока.

Аня быстро захлопнула дверь, чуть не прищемив мою протянутую вслед руку.

Смотрю на гладкую поверхность каменных дверей и думаю, правильно ли я поступил с Аней. Может, стоит быть помягче?

Погруженный в такие мысли я чуть не проскочил дверь своей комнаты.

– Ты куда топаешь? – вырвал меня из раздумий голос Риты зачем-то выглянувшей из своей комнаты. – Все уже по комнатам разошлись. Один ты тут бродишь.

– Задумался и проскочил свою дверь, – отшучиваюсь я.

– И о чем же ты думаешь?

Она сильнее высовывается из-за двери, ненароком демонстрируя мне аппетитную часть обнаженного тела

– Ты долго еще собираешься свои прелести Витьку демонстрировать! – раздается из комнаты рассерженный голос Стаса.

Рита опускает глаза вниз и ойкнув скрывается в комнате.

– Тебе ведь положено наверху быть? – не подходя ближе, спрашиваю у невидимого Стаса.

– А я Малыша уболтал полчаса подежурить. Сам понимаешь...

– Ну хорошо тебе отдохнуть... Если получится, – говорю я захлопнувшейся двери.

Сегодня все стремятся захлопнуть дверь перед моим носом.

Зайдя в комнату, сажусь на угол кровати и ложу прямо на матрас грязный автомат. В угол летят один за другим сперва бронежилет, потом испачканные какой-то дрянью брюки и куртка. Кучу малу дополняют высокие ботинки, сплошь покрытые подсохшей слизью языков и жирным пеплом. Только поле этого, облегченно вздохнув, откидываюсь на кровать, пододвинув автомат поближе. За последнее время выработалась привычка держать оружие под рукой.

Глаза закрываются сами собой. Я еще пытаюсь бороться со сном, но с каждой секундой все больше и больше проигрываю. Тяжелые веки гирями тянут вниз, пряча реальность комнаты. Последнее, что я вижу это топор, мирно висящий на стене напротив кровати. Сквозь пелену сна ко мне приходит высокая пепельноволосая красавица. Она полностью обнажена и призывно машет рукой. И я иду к ней... Иду... Иду...

Глава 4.

В связи с последними событиями Мичман решил усилить выездные группы, и вот теперь нас в джипе трое. Учитывая возможность повторного появления нового, хорошо вооруженного противника, Малыш пристроил в районе задних сидений автомобиля турель с танковым пулеметом. Теперь джип выглядит очень забавно. Такой себе мерседесовский кабриолет на больших колесах с тяжелой артиллерией на борту. Мичман обозвал результат творчества Малыша карманным крейсером. Взаимосвязи между карманом и крейсером я не нашел, но догадался, что это значит что-то маленькое и мощное.

Отсутствие крыши увеличивает угол обстрела. Да и как на меня удобнее, когда и вокруг и сверху все видно. Дожди здесь бывают крайне редко, поэтому крыша над головой абсолютное излишество.

Стас остался в Цитадели вместе с остальными расчищать поле битвы. Своего рода взыскание, за нерасторопность у шахты. Его это ни чуть не расстроило. Он для вида повозмущался и взялся за лопату. Если учесть, что ему грозило быть похороненным заживо, то уборка вонючих кишек может даже показаться приятным занятием.

Мы только закончили уборку одной стены и бастiona, как завыл гудок гномьей рации в центральном зале. Пообщавшись с ними, Мичман вышел из Башни с хмурым лицом и приказал готовиться выездной группе. Видите ли, гномам приспичило поработать, и нас вызывали для охраны.

В машине кроме меня Аня и Мотор. Я старший.

Перед выездом Мотор долго ругался с Мичманом, но тот так и не дал ему мотоцикл. Устав спорить, Мотор смачно сплюнул, и уведомил всех, что за рулем будет он. Я не имел ничего против, так как ночной штурм, а потом дневная расчистка стен и приведение одной из пушек в рабочее состояние вымотали меня окончательно.

Под мерное покачивание джипа идущего по Пустоши я удобнее устроился на заднем сидении и прикрыл глаза. До шахты №24 часа четыре. Времени выпастись более чем достаточно, если конечно не обращать внимание на сильную тряску и подпрыгивание машины.

Мотор, засунув наушники-капельки плеера в уши, что-то горланит на английском, заглушая гул двигателя. Судя по знакомой мелодии, это, скорее всего, «Металлика». Аня шумно возится с автоматом на переднем сидении. Что-то у нее не получается и она периодически тихонько чертыхается и в сердцах бьет маленьким кулачком по пластиковому прикладу.

Молодцы девчонки. На штурме работали не хуже нас... А может даже в чем-то и лучше... Одна только Аня со своим огнеметом чего стоила... Прыгала как чертенок вокруг турели вращая ее из стороны в сторону и поливая огненным дождем надвигающихся языков.

Такого штурма мы еще ни разу не видели. Массы животных прущих с такой настойчивостью были похожи на накатывающиеся волны шторма безумной плоти. Шторма, который невозможно усмирить. Шторма, сметающего все на своем пути. Но мы смогли... Мы не просто усмирили, мы повернули его вспять.

– Спишь? – вырвал меня из полудремы Анин голос.

– Угу, – бурчу я не открывая глаз. – Устал как собака. Эти кишки на стенах меня доконали. – Смачно зевнув, добавляю. – Я малость подремлю. Ага? А ты по сторонам поглядывай.

– Хорошо. – Она наклоняется ко мне через спинку переднего сидения и легонько бьет ладонью по колену. – Круто ты их!

– Кого?

– Слонов... Я наблюдала за тобой во время штурма и видела, как ты положил серию фугасов на спину большого слона.

– Мелочи... Все мы такие... Жить захочешь и не такое сотворишь, – лениво отмахнулся я. – У нас все равно выхода нет. Либо борись, либо сдохни. Мне первый вариант нравится больше... Не намного, но все же больше.

– Нет. Ты не прав, – она задумалась подбирая подходящие слова. – Многие из нас воют как бы в напряг, через силу... Борясь при этом со своим внутренним я... Ты же, как бы живешь этим. Ты как Мичман... Для тебя это все является нормой. Тебе даже не приходится убеждать себя, что это нужно делать. Ты просто берешь и делаешь... И в то же время ты стараешься казаться грубее и злее, чем ты есть. Я ведь знаю, точно знаю, что ты внутри совсем другой. Ты как будто сидишь внутри прочной эмоциональной скорлупы, боясь высунуть наружу мягкое, уязвимое тельце души.

– Вот когда меня язык выпотрошит, тогда и увидишь, какой я внутри, – не желая продолжать разговор, жестко произнес я.

Аня хороший человек... Иногда даже чересчур. Добрая, надежная, храбрая. На нее всегда можно положиться. Когда она стоит за спиной, за тыл я спокоен. В ней удивительным образом сочетается мужская стойкость, женская мягкость и обаятельная внешность в виде крепко сбитой не по женски мускулистой фигуры и симпатичного улыбающегося личика... Ее иногда называют мужиком в юбке. На что она серьезно обижается.

Приоткрыв глаза, смотрю на ее лицо. Обиделась. Точно обиделась. Надула губы и отвернулась. Сопя, возится с автоматом. Теперь я вижу только затылок, прикрытый коротким ежиком темных волос.

Зря я так. Она ко мне с добром, а я... Даже не знаю, почему я себя так с ней веду. Стас мне неоднократно намекал, что Аня бросает мне в след нежные взгляды. Да и ее поведение после боя в дверях комнаты говорит само за себя. Возможно, именно это меня и пугает. Самое страшное, как на меня, это привязаться к человеку, а потом его потерять, или наоборот оставить одного, уйдя туда, откуда не возвращаются. Учитывая нашу жизнь, абсолютную неуверенность в завтрашнем дне и срок Договора я считаю, что я не вправе проявлять чувства в ее адрес. Вот вернемся домой...

При мысли о доме в груди потеплело, и стало как бы уютнее. И вроде я уже не на сидении колышущегося на неровностях скального грунта джипе, а дома на любимом диване, низком и широком, стоящем у стены с большим ворсистым ковром. В углу тихонько играет магнитофон «Маяк», выплескивая из стареньких колонок в пространство небольшой комнаты забытые мелодии семидесятых. На столе, дразня обоняние, дымится чашка хорошего кофе. В руках интересная книга, обязательно фантастика... И я погружаюсь в вихрь, затягивающий меня в мир благородных космических пиратов и злобных уродливых пришельцев. Я живу главным героем... Вместе с ним преодолеваю трудности и коварные западни, расставленные врагами. И нет в тех иллюзорных мирах ни тушканчиков, ни языков жаждущих отправить меня на тот свет. Нет кровавых мозолей на ногах, от длительного хождения по горам, нет жутко воняющей потом грязной рубахи под тяжелым бронежилетом, предназначенным хоть как-то защитить легко уязвимое тело от агрессивного мира, нет похорон друзей погибших ради жизни каких-то уродцев воняющих заплесневелым сыром... Там я не валялся на холодных камнях, прячась от пробегающего мимо стада, и не умолял бога, в которого не верю, остаться незамеченным и прожить еще хотя бы день.

Там романтическая, красивая иллюзия. Здесь жестокая реальность. Здесь нельзя пролистать несколько страниц, чтобы пропустить неинтересный кусок или перестать читать...

Здесь как в некогда популярной песне – «It's my life.» . Это моя жизнь.

Глава 5.

– Просыпайся лежебока! – рявкнул трубным басом над ухом Мотор. – Приехали.

Душевно потянувшись, осматриваюсь. Джип пристроился на склоне скалистого холма у входа в шахту. Вдалеке возвышаются Пальцы – пять высоченных каменных шпилей, упирающихся в серое облачное небо. Если напрячь воображение, то эти исполины действительно кажутся пальцами, с кривыми когтями, вырастающими из каменной толщи. Иногда кажется, что это какой-то великан высунул из-под земли руку, желая убраться с неба мешающее спать солнце.

Люблю бывать на этой шахте. Дело в том, что большинство шахт находятся или в скальных массивах или в ущельях, а двадцатьчетверка уютно устроилась в основании невысокого холма. Расположившись на его вершине можно без труда держать под контролем окружающую равнину.

– Гномы прибыли? – интересуюсь, вылезая из машины и разминая затекшее от длительного сидения тело.

– Не-а.

Мотор закуривает сигарету и устраивается за турелью танкового пулемета на заднем сидении. Сухо лязгает затвор, загоняя первый патрон из змеящейся по сиденью ленты в ствол.

Делаю круг почета вокруг джипа, с деловым видом постукивая носком ботинка по скатам.

– Скоро задние менять придется, – ни к кому не обращаясь, говорю я. – Совсем уже истерлись. Вон, даже кое-где корд потрескался.

– Еще бы, – переключается через борт машины Мотор, глядя на колесо. – По таким камням... У них же края острые. Тут никакая резина не выдержит. Хоть железные ставь.

– А Аня где?

– Там, – машет он рукой на вершину холма.

Оперативно девчонка работает. Мы только прибыли, а она уже на позиции. Зато я продрых всю дорогу как последний лентяй. А еще старший группы.

– Я прогуляюсь. Осмотрю местность, – извещаю напарника. – И вот что, Мотор, плеер не включай. А то до тебя потом не докричишься.

– Yes, ser! – козыряет он.

Забрасываю автомат на плечо и плетусь в сторону шахты. Внутри нам заходить запрещено Договором. Черт бы его забрал этот Договор. Как кость в горле. Туда нельзя. Сюда нельзя. Мол, ваше дело воевать и нас защищать... Прямо девочки недотроги.

Подойдя к отверстию шахты, заглядываю внутрь. Шахта – не совсем правильное название. Скорее уж копальня или может рудник.

У шахты, насколько я помню, направление тоннеля вертикально вниз. А здесь коридор уходит с небольшим наклоном вниз под холм. Вход аккуратно обложен каменными глыбами, скрепленными каким-то раствором. Потолок темного коридора подпирают каменные столбы.

Забавно... У нас опоры делают из дерева... Хотя откуда здесь взяться дереву. Здесь и растительности то приличной нет. Сплошная каменная пустыня. И чем все это многообразие тварей питается? При мысли о тварях опасно оглядываюсь. Вроде чисто.

– Гномы прибыли, – шипит болтающаяся на боку портативная рация.

– Ань, с какой стороны эти вонючки двигаются?

– Сейчас они у Мизинца. Через пол часа будут тут.

Мизинец – ближайшая к нам скала Пальцев.

– Понял. Иду на встречу, – отвечаю я и уже собираюсь вернуть рацию на пояс, как меня останавливает ее голос.

– Ты там поаккуратнее. Ладно?

– Ох какие мы заботливые, – с насмешкой вклинивается Мотор в разговор.

– Не смешно! – резко осаживаю его. – Повнимательней будь.

– Буду.

Быстрым шагом направляюсь в сторону гостей. Это не обязательно, но последний неудачный выезд делает меня более осторожным. Автомат переселяется с плеча на бок. Сегодня меня врасплох не застанут. Все были подробно проинструктированы, насчет внешности, повадок и оружия возможного противника. Это не с животными воевать... Он если из своей пушки накроет, то и пепла не останется. Прошлый раз даже каменный вход в шахту как пластилиновый отек.

Через несколько минут я уже вижу караван из десятка верблюдов, на которых восседают маленькие неуклюжие силуэты. Животные выстроились вереницей, медленно двигаясь в сторону шахты.

Решаю остаться здесь и подождать. Смахнув пыль, усаживаюсь на нагретый солнцем обломок скалы. Слева раздаётся шуршание раздвигаемых камней. Резко падаю на землю, откатываясь в сторону и только оказавшись в паре метров от обломка, не поднимаясь, вскидываю автомат.

– Что случилось? – взволнованным голосом просыпается рация.

– Все в норме. – Встаю я отряхивая джинсы от каменной пыли. – Крот напугал.

Тупорылое животное, суча коротенькими лапками с кривыми лопаткообразными когтями, выбирается из каменной толщи. Трехметровая колбаса его туловища по сегментации очень похожа на дождевого червя. Голова, или точнее передняя часть туловища прикрыта тремя зубчатыми пластинами, крошащими каменную породу как шахтовый бур.

Существо в принципе безобидное, если конечно не оказаться в зоне досягаемости его коротких лапок. Крот – санитар этого мира. Он прокладывает свои пути от трупа к трупу, очищая поверхность.

Я дождался каравана и пристроился ему в хвост, не переставая вертеть головой по сторонам. Гномы даже не обратили внимание на мое присутствие. Закутанные в кожаные плащи они сидят между горбами своих животных, практически без движений. Спины и бока верблюдов увешаны корзинами и горняцкими инструментами.

Так вереницей мы не спеша добираемся до шахты. Караван останавливается в десятке метров от входа. Обгоняю остановившихся животных и занимаю позицию в стороне от входной арки.

Разгрузив верблюдов, гномы берут инструменты, большие круглые фонари и выстроившись цепочкой срываются в глубину.

– Все зашли, – произношу в микрофон, когда последний гном скрылся за поворотом коридора. – Всем внимание. Прошлый раз на нас напали именно в такой ситуации. Смотреть в оба.

– Окей! – лихо восклицает Мотор. – И муха не пролетит!

– У меня все чисто, – машет рукой Аня с вершины холма.

В ожидании проходит несколько часов. Гномы периодически вытаскивают из недр шахты плотно закрытые крышками корзины. На нас по-прежнему не обращают внимания как будто нас и нет вовсе. Верблюды в ожидании хозяев уныло лижут камни лопатообразными языками.

От нечего делать размышляю на тему верблюжачьего пищеварения. Может, они камнями и питаются? Забавный рациончик. Мне такой совсем не по душе.

Вид аппетитно плямкающих верблюдов заставил жалобно заурчать желудок. Поднимаюсь и иду к джипу. На заднем сидении лежит плотно набитый брезентовый ранец. Открываю защелки удерживающие крышку и высыпаю содержимое прямо на сиденье. Сразу видно, упаковывал Мотор. Продукты лежат вперемешку с упаковками каких-то лекарств и запасными обоями. Выуживаю из разномастной кучи большую пачку печенья и бутылку абрикосового сока. Мотор, сидя на переднем сиденье, лениво наблюдает за моими действиями. Набрав харчей возвращаюсь на прежнее место и устраиваю маленький пикник на обочине. Сок оказался очень вкусным, и я пожалел, что не взял две бутылки, а вставать и идти за добавкой как-то лень.

– Аня? – берусь я за рацию.

– Слушаю.

– Ну что там? Чисто? – исключительно для проформы интересуюсь я.

– Абсолютно, – отвечает она позевывая. Видимо длительное ожидание потянуло ее ко сну.

– Я тебя не разбудил? – спрашиваю строго, как бы намекая, что на посту спать не рекомендуется.

– Нет, конечно! – возмущается она. – Зеваю, потому что спать хочется. Но не сплю. Почему ты так плохо обо мне думаешь? Почему к Мотору с такими вопросами не пристаешь? Дело в том, что я женщина? Да? – посыпались вопросы-обвинения в мой адрес.

– А что Мотор? – возмутился он. – Почему чуть что, сразу Мотор. Я сижу и бдю.

– Чего ты делаешь сидя? – не расслышал я.

– Бдю. Смотрю в смысле по сторонам. Уже шея болит головой вертеть.

– А ты всем туловищем поворачивайся, – шучу я, – тогда болеть не будет.

– Ты не ответил на мой вопрос, – не унимается Аня. – Будь так добр, и снизойди до ответа женщине.

– Извини. Я не хотел тебя обидеть, – пытаюсь оправдаться. – Возможно, ты меня неправильно поняла. А то, что ты женщина даже хорошо.

– Почему хорошо, что я женщина? – сменяет она гнев на любопытство. Ох уж эти женщины. Теперь еще надо придумать красивый ответ.

– Потому, что иначе его сочли бы человеком, с нестандартной, сексуальной ориентацией, – громко смеется в динамике рации Мотор.

– Правда? Витя, это так?

– Наверное, да, – колеблюсь я.

– Почему наверное? – приподнялась она с вершины холма, и теперь я вижу ее стройный силуэт на фоне серого неба.

– Аня, давай потом поговорим. Наедине, – пытаюсь найти я повод уклониться от разговора. Очень уж не хочется мне сейчас заниматься решением сердечных вопросов. – Дома все обсудим.

– Хорошо, – отвечает она, а я радостно вздыхаю.

Солнце уже висит над горизонтом. Вот и еще один день закончился.

– Они что всю ночь там ковыряться будут? – как бы угадав мои мысли, подойдя, недовольно спрашивает Мотор. – А то спать хочется.

– Кто их знает. Может и всю ночь, – уныло отвечаю я. Больше всего устаю от ожидания и безделья.

– Давай я тебе анекдотец расскажу, – предлагает, усаживаясь на соседний камень Мотор. – Обхохочешься.

– Опять бородатый?

– Не-а. Но пошлый, – он басовито хохотнул в предвкушении рассказа и довольно потер руки.

Мотор уже успел всех основательно достать со своими бородатыми, известными еще с детства анекдотами. Но проще выслушать, чем отбиваться. Все равно ведь расскажет. Сперва вымотает все нервы вопросами типа «А почему тебе не интересно?» а потом расскажет.

– Так вот. Собрались как-то вместе русский, грузин и немец, – заговорщицким тоном начал Мотор рассказ. – И решили они померяться...

Я так и не узнал, чем же мерялись представители трех национальностей.

– Мужики. С севера кто-то приближается... – произнесла рация. – Расстояние около километра.

– Точнее, – потребовал я от Ани. – Кто приближается?

– Не знаю, – замялась она. – Я видела его всего лишь мгновение. Похож на человека.

– Ясно. Сиди там и не высывайся. В случае чего будешь нашей козырной картой, – проснулся во мне лидер. – Мотор!

– Да.

– Отгоняй джип за насыпь, – я ткнул пальцем в грудку камней с противоположной стороны входа в шахту. – Твое дело прикрыть шахту и гномов. И учтите, у противника может

оказаться очень мощное оружие. – И как бы подчеркивая значимость своих слов добавил. – Очень мощное...

– Уже делаю, – бросился Мотор к джипу.

Время шуток и анекдотов закончилось. Начинается работа.

Я отбегаю в сторону и устраиваюсь на еще теплых камнях метрах в тридцати от шахты.

Теперь главное, чтобы гномы не высунулись в неподходящий момент.

– Вижу его! Уже ближе! – волнуясь, говорит Аня. – Это точно человек. Одет в темно-зеленый панцирь... В руках оружие.

– Такой же напал на нас и в прошлый раз, – извещаю всех. – Максимальная осторожность. Бить сразу на поражение. Аня?

– Да Витя.

– Послушай, это не человек. Это враг. – Одно дело стрелять в тварей, а вот в человека... в человека это совсем другое. Ее промедление, вызванное какими-то моральными нормами, может стоить всем нам жизни. – У него очень мощное оружие.

– Да я поняла, – отвечает она после небольшой паузы. – Я не подведу.

Теперь и я увидел противника. Крупного телосложения мужчина, облаченный в темно-зеленый пластинчатый панцирь, быстро идет в нашу сторону. В руках, уже знакомое мне оружие. Судя по всему, нас он еще не заметил.

– Подпускаем ближе, – команду я. – Даже после того как он упадет огонь не прекращать. Я стреляю первый.

– Понятно, – хором отвечают Мотор и Аня.

Щека прижимается к гладкому прикладу автомата, сливая меня с оружием в одно целое. Силуэт мужчины плавает на кончике мушки. Лучше чуть-чуть подождать, а потом уж наверняка.

Уже можно рассмотреть лицо приближающегося противника. С виду обычный мужчина лет сорока. Может это и есть человек? Но, вспомнив предыдущий случай: отрастающую голову, вокруг которой бегают тараканы, я отбрасываю такую мысль и опускаю палец на холодную сталь курка.

– Недоумки! – ругнулся в сердцах Мотор. – Ты посмотри, что эти шизики делают!

Из темного проема шахты появились четыре гнома сгибающиеся под тяжестью корзин и направились в сторону своих верблюдов. Мужчина заметил гномов и вскинул оружие.

Очередь из моего автомата веером бьет его в грудь, заставляя шатнуться назад. В результате заряд, предназначенный гномам, вlepляется переливчатой огненной струей в вершину холма. Мужчина пытается восстановить равновесие, но очередь со стороны джипа бросает его наземь. Не дожидаясь пока он встанет, опустошаю обойму гранатомета. Осколочники ложатся прямо на него. Воздух наполняется гулом пяти взрывов и свистом осколков.

– Все на местах! Я подхожу! – Команда умиряет любопытство Мотора, уже собиравшегося выпрыгнуть из джипа.

Не опуская ствол автомата, приближаюсь к остаткам противника. Куски мяса и каменные пластины панциря, ставшие алыми от крови, разбросаны в радиусе нескольких метров. Между кусками плоти суетятся черные тараканы, пытаясь стащить все части тела в одну кучу. Несколько насекомых вертятся на этой куче, и суча лапками, скрепляют между собой разорванные, еще сочащиеся кровью кусочки плоти.

Выходит у этого существа, так похожего на человека внешне, насекомые что-то вроде скорой помощи. Они его лечат, реанимируют и при этом являются полноправными жителями его тела.

Симбиоты...

От такой мысли мне стало не по себе. Отойдя в сторону, бросаю в кишасную кучу термогранату и прикрываю глаза рукой. Вспыхивает ярко-белое пламя. На месте маленьких докто-

ров и большей части их пациента остается куча пепла. Порыв теплого ветра разгоняет ее по каменной поверхности, стирая следы короткого боя.

Гномы как ни в чем ни бывало сбросили с плеч корзины и отправились обратно в шахту. Как будто они ничего этого не видели.

Осматриваю окрестности и убедившись, что противник был только один подношу рацию к губам.

– У всех все нормально?

– Порядок, – высовывается из-за пулемета Мотор и показывает большой палец. – Все тип-топ. Классно мы его приласкали. По первому разряду.

– Аня? Почему молчишь? – но ответа так и нет.

Подняв голову, смотрю на оплавленную вершину холма и надеюсь, что возникшая в мозгу мысль ошибочна. Стараясь не думать о плохом, забыв об осматрительности, что есть сил бегу к холму.

Может, она сменила позицию, или успела отпрыгнуть – пульсирует на бегу слабая надежда.

– Что случилось? – орет Мотор, глядя на мое перекошенное лицо.

– Аня! – кричу в ответ, не останавливаясь.

На вершине холма нас ждет еще горячий оплавленный камень. Сделав пару шагов вперед, я сразу же отпрыгиваю обратно. Вспыхнула резиновая подошва ботинок, и ноги обдало жаром. Стоя на краю оплавленного пятна, мы мрачно переглянулись. Мотор, наклонив голову, как-то неловко стянул шлем.

– Нет. Не может быть, – тихо шепчу я. – Она должна была спастись.

– Смотри, – указал шлемом, зажатым в руке Мотор.

Из расплавленного камня торчит какой-то изогнутый прут. Присмотревшись, я понял, что это не прут, а потерявший от высокой температуры первоначальную форму ствол автомата.

Не сговариваясь, мы подняли оружие вверх. Три раза простреляли короткие очереди, и наступила тишина. Слышится только потрескивание остывающего камня и наше тяжелое дыхание.

– Ты ее любил? – неожиданно пробасил Мотор. – Только честно.

– Не знаю, – ответ полностью честен. Я сам не знаю, как к ней отношусь.

– Вить?

– Давай потом поговорим, – предлагаю я. – У нас еще не закончена работа. Лады?

– Тебе видней.

Спускаемся с холма и размещаемся на прежних позициях. Лежа на уже остывающих камнях я думаю об Ане. Не смотря на грустную реальность, я все еще глупо надеюсь, что вот сейчас она выйдет из-за холма и с улыбкой скажет: «Привет. Это я».

Сердце сжимается от чувства утраты. Я так и не успел с ней откровенно поговорить... Так и не сказал, что о ней думаю, что чувствую. Она тянулась ко мне, а я все время отталкивал, боясь того, что сейчас произошло. Теперь я понял, что единственной причиной, не дававшей мне выразить свои чувства, была боязнь потерять ее. Я трус... Самый настоящий трус. Я испугался возможной горечи утраты, но в результате все равно получил ее в придачу к чувству вины. Голова в изнеможении опускается на холодный приклад автомата.

– Трус! – шепчу я себе. – Подонок! Ты на всю жизнь запомнишь этот момент. Он будет преследовать тебя. В каждой женщине ты будешь видеть Аню. Ее улыбку... Ее глаза... Ее тело прижатое к тебе в поисках защиты, – глухой стон похожий на вой вырывается из моей груди.

– Вот нас уже и восемь. Сколько же останется в живых к моменту истечения Договора? – звучит искаженный динамиком бас Мотора

– Будь он проклят, этот Договор! Все из-за него! – со злостью бью крепко сжатым кулаком в камень, не чувствуя боли.

Все началось ровно триста тридцать восемь дней назад. А кажется, что прошла целая вечность.

Был Новый год. На квартире у Мичмана собралось двенадцать человек жаждущих со вкусом отпраздновать приближающееся событие. Девчонки накрыли шикарный стол, отоварившись в ближайшем супермаркете. Спиртного было более чем достаточно. Малыш очень буквально понял слово «много» и привез на своей новенькой девятке ящик водки и ящик шампанского. Он у нас частный предприниматель – владелец ликеро-водочного магазина в центре города. Вот он у себя в магазине и упаковался под завязку. Увидев Малыша, вносящего в комнату ящик «Абсолюта» мы слегка опешили, но потом решили, что водки много не бывает, и интенсивно взялись за истребление зеленого змия, или как сказала Лена «топление быка». Суть фразы мы не поняли, но решили топить, так топить.

И утопили...

На совесть можно сказать утопили.

Веселье было в самом разгаре. Хозяин вытащил магнитофон на балкон, и на весь двор транслировал Мадонну, не взирая на слабые протесты соседей, убеждающих его в том, что из-за его музыки они телевизоры не слышат. Почти трезвый по сравнению с остальными, но от этого не менее веселый Мичман вежливо поинтересовался, имеют ли они лично что-то против Мадонны. Услышав отрицательный ответ, он удовлетворенно кивнул головой и сказал: «А чего тогда жалуетесь?». Пока соседи переваривали логическую связь между любовью и громкостью, он вежливо вытолкал их из прихожей в коридор.

Пробило двенадцать, и мы ознаменовали это событие радостным криком, заглушившим Мадонну вместе с соседскими телевизорами, и питьем на брудершафт с последующим битьем бокалов об асфальт под балконом.

В общем, весело было, слов нет.

На дребезжание дверного звонка обратила внимание только Лена. Через минуту она появилась в комнате с высоким, прилично одетым парнем.

Гость, поздоровавшись, сразу же без каких-либо предисловий перешел к делу и предложил нам всем хорошо заработать. Он сулил каждому солидные барыши. Цифры звучали по нашим меркам астрономические. Мы радостным пьяным гулом встретили его предложение и сразу же потащили за стол.

Под шкаф укатилась очередная пустая бутылка, и Малыш сразу же движением захмелевшего фокусника выудил из бездонного ящика новую. Сорванная дрожащей рукой крышка нырнула кому-то в рюмку, но на это не обратили внимания, ожидая новую порцию кристально чистой жидкости.

Аня спросила, что надо делать. Парень отмахнулся, мол, мелочь работа. В один день управитесь, и раздал нам какие-то бланки. Мы не думая, бросились расписываться и прикладывать большой палец к кругу в углу плотного желтого листа, на который указал гость. Учитывая количество выпитого, о думании и речи не могло быть. Один Мичман сопротивлялся, требуя зачитать вслух текст договора, а то у него буквы перед глазами прыгают, и вообще штормит на девять баллов. И что он всякую фигню подписывать не будет. Мы коллективно с трудом его уговорили. Что было дальше, уже не помню...

Пришли в себя уже в Цитадели. Мы долго не могли понять, куда же попали. Вокруг был сплошной камень и ни единой травинки, ни единого деревца. Абсолютно мертвая местность. Как после атомного взрыва. Одни голые скалы. Даже почвы, как таковой нет. Под ногами тоже камни. Но через несколько часов у стен появился гном, вызвав своим видом обморок у Риты, и все нам доступно объяснил. Все разговоры велись за пределами Цитадели, так как он категорически отказался заходить внутрь.

Оказалось, что мы все по пьяни подписали Договор, согласно которому мы на один земной день становились волонтерами гномов. Своего рода охрана, обеспечивающая их работу. Мы сначала повозмущались, но вспомнив об оплате успокоились.

Чуть позже оказалось, что один земной день соответствует двум местным годам и что нарушение Договора карается смертью или невозвращением домой по истечении срока.

Два последующих часа были сплошным кошмаром. Мы пытались бунтовать, искать юридические зацепки в Договоре. Даже грозили массовым самоубийством, когда ничего умнее в голову не приходило. Все напрасно. Гном был непреклонен. Есть подписанный Договор. В нем четко описаны ваши обязанности.

Все...

Тупик...

И кстати ни о каком вознаграждении в нем не сказано.

После того, как мы уgomонились, гном предложил назвать те вещи, которые нам необходимы для того, чтобы в течение двух лет выполнять свои обязанности. В течение часа мы хаотически, перебывая друг друга, наговаривали ему список. В нем было все, начиная от пушек и заканчивая зубными щетками. Гном внимательно слушал. Когда мы иссякли, он поинтересовался, не надо ли нам еще чего, так как заказ делается только один раз. Мы диктовали еще минут десять. Вечно страдающий зубами Малыш даже заказал полный стоматологический кабинет. Мы его еле отговорили.

На следующее утро двор Цитадели был завален заказами. У стен громоздились ящики консервов и боеприпасов. Осторожь стояли четыре спаренные пушки еще в масле. У Западных ворот, тогда мы еще не знали, что так их назовем, стояло несколько разномастных автомобилей и мотоциклов.

Вот так и началась наша жизнь в этом мире.

Договор нас обязывал любой ценой защищать гномов и Цитадель. Не знаю чем она им так дорога, но что написано, то написано.

Позже мы узнали, что Цитадель представляет большую ценность в стратегическом плане, являясь единственным пригодным для обороны и жилья сооружением.

И вот теперь нас осталось восемь.

Восемь из двенадцати.

Гномы вытащили из шахты очередную порцию корзин. Пашут как роторные экскаваторы без сна и отдыха. Радует то, что обычно более двух суток подряд они не работают.

– Мотор?

– Что? – угрюмо откликается он. Видать тоже кошки на душе скребутся.

– Корзины видишь?

– Ну?

– Не ну, а пойдй, посмотри, что в них.

– Ты что! А договор? – испуганно спрашивает Мотор.

– В Договоре про корзины ничего не сказано, – успокаиваю его.

Через минуту он уже у корзин. Дрожащими руками приподнимает крышку и недоуменно сдвигает плечами. Закрыв корзину, он пытается ее приподнять. Судя по тому, как он пыжится корзина тяжелая. С трудом оторвав корзину от земли он сразу же опускает ее и спешит к джипу.

– Ну что? – нетерпеливо шепчу я в микрофон. – Что там?

– Ты не поверишь!

– Не тяни резину, – тороплю я. – Что внутри?

– Ничего! Абсолютно ничего! Но весит килограмм семьдесят, а может и больше.

– Как ничего? – удивляюсь я. – Совсем?

– Абсолютно. Дно видно.

– Что же они тогда таскают из шахты? Не воздух же, – спрашиваю скорее у себя чем у Мотора.

– Воздух столько не весит, – рассудительно возражает он. – Может это какая-то невидимая руда.

Из шахты вереницей выходят гномы, таща на себе корзины и инструменты. Пока они не спеша навьючивают верблюдов, мы пристально осматриваем местность.

Наконец караван тронулся в путь. Провожаем его взглядами. Сопровождать мы не обязаны. Наша работа окончена. Пора домой.

Мы уже привыкли называть Цитадель домом. Когда же мы говорим о Земле, мы произносим это же слово, но совершенно с другой интонацией.

Глава 6.

Я поставил на камень пустую банку из под тушенки и тихонько чертыхнувшись выглянул из-за скалистого возвышения за которым спрятался. Рассмотрев в ночном сером сумраке гномов, сидящих кольцом вокруг своих животных я успокоился. Они образуют правильный круг, сидя лицами наружу, и напоминают алтарь каменных божков сидящих вокруг кучи даров принесенной верующими. В роли даров сейчас выступают спящие, подогнув лапы под туловище, верблюды. За все время отдыха гномы не сделали ни одного движения.

Я был так увлекся едой, что забыл обо всем на свете.

Вздохнув, облизываю ложку и прячу в походный ранец. Натоместь выуживаю плитку черного шоколада.

Эх, чайку бы сейчас. Или нет. Лучше кофе, а то глаза слипаются. Можно в принципе и подремать, ночь ведь на дворе, но вдруг гномы уйдут, не дождавшись рассвета и я останусь не солоно хлебавши. Нет, лучше уж ночь не поспать.

Шоколад оказался очень горьким и не сладким. Это точно не из моего заказа. А черный шоколад у нас любит, – я задумался, – любит Малыш. Точно Малыш. Надо будет по возвращении высказать ему свое большое фе, по поводу его гастрономических вкусов.

Помучившись еще немного, кривлюсь и прячу недоеденную плитку в карман. Несколько глотков боржомом смывают горечь и утоляют жажду.

Мотора с джипом я часа два назад оставил возле шахты, сказав ждать меня двое суток, а по истечении этого срока возвращаться домой. Мотор матерился по черному, уговаривая взять его с собой. Пришлось напомнить, кто начальник выездной группы, а в добавок еще и объяснить, что это мое личное дело. Услышав о личном деле, он мрачно глянул на оплавленную вершину холма, ставшего Аниной могилой, и с несогласием в глазах утвердительно кивнул головой.

Я сам не знаю, почему решился на это. Прямо какое-то мальчишество. Идея отправиться шпионить за караваном гномов пришла в голову совершенно случайно. Наверное, просто надоел ореол таинственности, окружавший наших работодателей. Слишком уж много вопросов, не имеющих ответов. Кто они такие? Где они живут? Ведь мы так ни разу и не видели ничего похожего на жилище. Караваны просто появлялись из-за скал и за ними исчезали. Что добывают в шахтах?

Караван двигался около двух часов, пока не остановился на отдых. Воспользовавшись случаем я тоже решил отдохнуть а заодно и перекусить.

Гномы зашевелились, проявляя беспокойство. Похоже, они заметили опасность.

В сером свете луны замечаю силуэт в поблескивающих темно-зеленых доспехах, крадущийся между камнями. Еще один тараканосец – так я называл для себя воинов дважды нападавших на нас у шахты.

Один из гномов приподнялся и указал пальцем в сторону приближающегося противника. Остальные гномы, повинаясь беззвучной команде, развернулись в линию перпендикулярную движению тараканосоца. В их руках появились пращи – полосы кожи сложенные вдвое, с камнем, лежащим посредине получившейся петли. Ночной воздух загудел над головами гномов, разбуженный примитивным оружием.

Ночной гость поняв, что его обнаружили, вскочил на ноги одновременно вскидывая свое внешне нелепое оружие.

Пращи загудели громче, увеличивая скорость вращения, и единым хлопком отправили в его сторону рой камней величиной с бильярдный шар.

Да что ему какие-то камни. Я, мысленно насмехаясь над отчаянной попыткой гномов, готовлю к бою автомат. Существо, перенесшее прямое попадание гранаты в голову просто-напросто отмахнется от десятка камней. Да и не добросят они. Расстояние солидное.

Камни с сухим треском ударились о скалы вокруг нападающего.

– Ой! – взвыл я, чуть не ослепнув от яркой вспышки, и вскочил на ноги, яростно тря руками глаза.

Приоткрыв режущие от света глаза, вижу, что на месте тараканосоца бушует уже стихающий океан синего пламени, выбрасывающий в стороны небольшие протуберанцы.

Вот тебе и примитивное оружие.

Вот тебе и беззащитные гномы, которых мы должны защищать.

Да мы со всем своим арсеналом и выеденного яйца не стоим по сравнению с одной такой пращей.

Огонь спадает и на окружающий мир опять опускается серый сумрак ночи. Сумрак не помешал гномам увидеть меня стоящего как суслик у своего убежища. Строй коротышек развернулся в мою сторону, и пращи начали свою короткую погребальную песню.

– Вот и все! – подумал я огорченно вслух. – Поджарят как свинку. Только пучка укропа во рту и яблока в зад ухватать не будет для полноты картины.

Не отрывая взгляда, как замороженный, слежу за гудящими кругами над головами гномов.

– Как зонтики, – выскакивает глупая, вызванная животным страхом мысль. Дергаться куда-либо нет смысла. У этого оружия область покрытия как у небольшой ракетной установки.

Вращающиеся кожаные петли замедлили скорость и через секунду опали в ловко подставленные руки гномов.

Один из них призывно махнул рукой. Значит, жарить меня не будут. Мелочь конечно, но приятно.

– Привет! – говорю я подходя поближе. Дрожащий голос явно выдает мое волнение. Автомат как бы сам по себе поворачивает голову в сторону машущего а палец невзначай оказывается на курке.

– Здравствуй человек! – неожиданно радостно приветствует меня гном. Его спутники дружно кивают головами. Мол, присоединяемся к приветствию.

В очередной раз задаю себе вопрос, откуда они знают русский язык.

– Проходи. Присаживайся, – радушно предлагает гном привычно сипящим голосом. – Гостем будешь.

Под действием его дружелюбного тона напряженный до одеревенения указательный палец правой руки медленно сползает с курка.

До сих пор мы почти не разговаривали с гномами. Исключение только гном встретивший нас после прибытия в этот мир и еще парочка, решавшая судьбу нерасторопного Стаса.

Гномы подвинулись, освобождая мне место в круге. От запаха плесневелого сыра и непонимания происходящего кружится голова. Сажусь на плоский камень и осматриваю хозяев. Раньше они мне казались все одинаковыми, но при таком их количестве уже заметна разница

в лицах. Одеты все практически в одно и тоже – длинные черные кожаные плащи, длинные сетчатые рубахи и широкие кожаные штаны, из-под которых выглядывают грубые ботинки на толстой подошве.

– Как дела? – поинтересовался гном в традиционно длинном кожаном плаще с изящной каменной застежкой у горла, сидящий справа. – Давно за нами идешь?

– От шахты, – решил я говорить правду.

Гномы переглянулись, и что-то тихонько буркнули друг другу. Гномий язык я слышу впервые. Отдельные слова в нем совершенно не выделяются. Больше это похоже на бульканье кипящего супа. Только громче и яснее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.